

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kazan (Volga Region) Federal University

TEXT. LITERARY WORK. READER

Materials of the VIII international scientific conference
on May 20–21, 2020

Prague
2020

Text. Literary work. Reader: materials of the VIII international scientific conference on May 20–21, 2020. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 59 p. – ISBN 978-80-7526-474-9

ORGANISING COMMITTEE:

Iskander E. Yarmakeyev, professor, deputy director for scientific work in the Institute of Philology and History.

Mileusha M. Khabutdinova, assistant professor, head of the educational-information activity support department.

Rezeda F. Mukhametshina, professor, head of the Russian and world philology department in the Institute of Philology and History.

Albina M. Sayapova, professor of the history of Russian literature department.

Aleksey N. Pashkurov, doctor of philological science, professor.

Renat F. Bekmetov, assistant professor of the theory of literature and comparative linguistics department.

Anton S. Afanasyev, teaching assistant of the Russian literature of 20th and 21st centuries and teaching methodology department.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines text, literary work and reader. Some articles deal with text in linguistics, study of literature and history of culture. A number of articles are covered interpretation of the meaning of fictional text. Some articles are devoted to national distinctness of literary writing. Authors are also interested in a modern reader and classic literature.

UDC 81+82+008

ISBN 978-80-7526-474-9

CONTENTS

I. TEXT IN LINGUISTICS, STUDY OF LITERATURE, HISTORY OF CULTURE

- Болтаев Ф. Ф.**
Философский анализ соотношения языка, мышления и сознания5
- Дворяшина А. А.**
Фразеологические единицы с колоративными прилагательными:
лингвометодические аспекты.....9
- Лебедева Н. Б., Сухоиваненко Ю. В.**
Вузовское объявление как текст в аспекте
коммуникативно-семитической модели 13
- Лебедева Н. Б., Адайкина А. В.**
Вербальная представленность мимических движений 20
- Ользеева Б. В., Манджиева С. В.**
Особенности имплицитной информации в англоязычном
рекламном тексте..... 27
- Умбражунайте Ю. В., Соколова Е. Н.**
Антропонимическое пространство Киево-Печерского патерика..... 31

II. «THE INNER WORLD» OF LITERARY WRITINGS

- Саханская Н. А., Желобцова С. Ф.**
Метафорические образы как маркеры художественного стиля
Татьяны Толстой..... 35
- Чепкасов Е. В.**
К вопросу о художественной реальности в отечественном
литературоведении..... 37

III. INTERPRETATION OF THE MEANING OF FICTIONAL TEXT

- Дроздова Т. В.**
Функционально-стилистическая специфика диссонантных ситуаций
(на материале англоязычной прозы) 41
- Манчев А. Н.**
Аспекты анализа художественного текста: русский роман XXI века..... 43

IV. ACTUAL ISSUES OF FICTIONAL TEXT RESEARCH IN SCHOOLS AND UNIVERSITIES

Вишнякова Е. А.

Особенности перевода поэтических текстов.....51

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2020 году55

Информация о научных журналах 56

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 57

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 58

I. TEXT IN LINGUISTICS, STUDY OF LITERATURE, HISTORY OF CULTURE

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ

Ф. Ф. Болтаев

*Соискатель,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков,
г. Самарканд, Узбекистан*

Summary. This article analyzes the relationship of language with thinking and human consciousness. It is shown that language has a material essence, being a means of forming mental acts in the human mind. Language is a means of reflecting reality in human consciousness, which allows you to make individual consciousness available to the understanding of other individuals.

Keywords: language; society; communication; thinking; communication; consciousness; reality; images of world perception; psycholinguistics.

Язык представляет собой средство взаимодействия, общения, коммуникации и интерпретации, что может быть отражено в мыслительной деятельности человека. Проблема происхождения языка является достаточно актуальной с древнейших времен и до сих пор. Еще в Древней Греции и Риме предпринимались усилия ученых по разработке проблемы генезиса языка и его эволюции. В трактате «О природе вещей» древнегреческий философ Лукреций указывает на искусственную природу языка, созданного человечеством в процессе своего развития, что противостояло божественной концепции сотворения всего сущего.

В процессе эволюции человека происходило развитие мыслительной деятельности людей, что в свою очередь привело к формированию самых простых словосочетаний и предложений, обозначавших, по-видимому, такие действия, как убить животного, сделать что-то, действия самого человека и т. д.

Язык качественно отличен от орудий труда, производственного объединения людей. Самостность языка выражается в различиях территориально-государственного и языкового объединения народов, отличие людей по языковому и религиозному признакам.

Язык имеет материальную сущность. Единство материального и идеального образует основу любой специфической единицы или элемента языковой единицы.

Язык имеет тесную связь с сознанием и мышлением человека. Понятия мысль, мышление и сознание часто используются в качестве синони-

мов для обозначения деятельности человека по отражению действительности. Но все же сознание – это более узкоформатный термин специфического характера, под которым понимается вся совокупность психической деятельности человека, тесно связанная с интеллектатувальными, чувственными и волевыми характеристиками индивида, а также результаты теоретической и практической деятельности человека по осознанию им общества, этноса и своего бытий по отношению к последним [4, с. 20].

Исследователь А. И. Фефилов считает, что объектом сознания может выступать язык, так как в сознании человека могут отражаться звуковые характеристики языка и сами языковые единицы. Сознание может соотносить языковую действительность с настоящей реальностью.

Он предлагает выделять концептуальное сознание, которое собственно отражает объективную реальность, а также выделяет языковое сознание, которые отражает и воспринимает сам язык, кроме того он выделяет и так называемое координативное сознание, которое осуществляет связь с первыми двумя формами. Концептуальная форма сознания предполагает ориентированность человека в материальном и духовном мире. Деятельное концептуальное сознание предполагает осуществление процесса мыслительной деятельности человека. В процессе мыслительной деятельности человек соотносит действительность с концептуальными образами в сознании человека, и соразмеряясь с ним, актуализируются и обновляются старые образы восприятия мира, что служит вектором для создания новых концептуальных картин мира [5, с. 15–16].

Эта деятельность человека по отражению действительности тесно связана с мышлением, результатом которой является возникновение мыслей. Мышление – главная составляющая часть сознания человека. Мышление подразделяется на вербальное и невербальное, которое становится немислимим без наличия специальных знаков, которые находят свое выражение в языке.

Язык является средством формирования мыслительных актов в сознании человека. Язык является средством отражения действительности в человеческом сознании, которое позволяет сделать индивидуальное сознание доступным для понимания других индивидов. Язык является условием и орудием речевого моделирования актов сознания, контролируя сознательную деятельность путем сопоставления речевой модели с явлениями социальной действительности. Наличие сознания является одним из факторов перемен в лексико-семантической природе языка, условием и причиной речевой структуризации языка.

Язык – это средство мышления, через него материализуется сознание, которое происходит посредством использования словарного запаса. Посредством слов можно осознать мир предметов и понятий. Через слова мы понимаем предметы и выражаем уровень своих знаний об этих предметах. Мыслью можно считать ту, которая выражается посредством речи, ко-

гда она отражается в языке, опосредованная и объективированная для других индивидов.

Языковые единицы тесно связаны с логическими единицами мышления, слово связано с понятием, предложения взаимосвязаны с суждениями. Слова и понятия выражают признаки явлений и вещей. Предложения и суждения выражают мысль в утвердительной или отрицательной форме.

Язык и мышление имеют тесную связь, являясь частями целого, которое можно сравнить с художником и его кистью. Язык – это универсальный, но не единственный способ выражения мысли. Но мысли можно увидеть в поступках индивидов, в их деятельности. Их можно выразить через звуки, краски, рисунки, скульптуры, танцы, компьютерные программы.

Через анализ слов мы можем рассмотреть характерные связи языка с мыслительной деятельностью. Любое слово можно рассматривать с двух позиций: с одной стороны – это звуковое значение, с другой же – это тот смысл, который вкладывается в это понятие.

Взаимосвязь и взаиморазвитие языка и мышления является актуальной лингвистической проблемой современности. В лингвистике можно выделить несколько наиболее значимых подходов по данной проблематике, среди которых считаем необходимым выделить точку зрения исследователя Л. С. Выготского, который исходит из того, что большая часть речевых и мыслительных процессов совпадают, что он соотносит со сферой речевого мышления, но оно ни в коей мере не исчерпывает все формы мысли и речи. Он считает, что мысль не отражается, но совершается в слове [1, с. 462–509].

Проблемой взаимосвязи языка и мышления занимается современная психолингвистика, в круг задач которой входит изучение механизма речевой деятельности человека и особенности его функционирования. Психолингвистика изучает природу языковых отношений, соотношения языка и мышления, языка и сознания, формирование сознания человека в онтогенезе и филогенезе.

Современная психолингвистика далеко продвинулась в американской школе, где можно выделить трансформационно-генеративную грамматическую модель Ноама Хомского [6, с. 138], который исходил из того, что язык состоит из великого множества предложений, которые, в свою очередь, представлены последовательностью фонем или букв [7, с. 178]. Грамматика Хомского представляет собой особый род трансформаций, прилагаемых к синтаксической конструкции, как единому целому [3].

Философский анализ взаимосвязи языка и общества привел к идеалистической и материалистической трактовке феномена языка.

Идеалистический подход к трактовке общественной природы языка заключается в рассмотрении языка как некой имманентной структуры, изучаемая сама себя и внутри себя, как некая внутриязыковая система. При такой трактовке язык не может быть ни орудием мышления, ни средством общения.

Диалектическая трактовка языка предполагает возможность влияния сознания социума на развитие общества, которое порождено практикой как критерием и источником истины. Таким образом, те знания, которые выражены в словах и языковых конструкциях, могут быть полезны для дальнейшего познания мира [2, с. 459]. Многообразные формы общественного познания, порожденные развитием социума и человеческого сознания, оказывают огромное влияние на языки, порождая в конечном счете специфические термины, стилистику языка. Хотя сам язык является универсальным для всех форм общественного сознания, за исключением религии и науки, которые используют зачастую не язык этноса, а язык народа, который не имеет близкого родства с ним [4, с. 33].

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Мысль и слово / Выготский Л. С. Психология. – М.: Изд-во ЭКС-МО-Пресс, 2000. – Раздел второй, Глава седьмая. – С. 462-509.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. Академический проект, 2008.
3. Слобин Д., Грин Д. Психоллингвистика. – М., 1977. – 240 с.
4. Теория и история лингвистической науки: учебник / Н. С. Шарафутдинова. – 4-е изд., стереотип. – Ульяновск: УлГТУ, 2015.
5. Фефилов А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. – Ульяновск: УлГУ, 1997.
6. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
7. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОЛОРАТИВНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. А. Дворяшина

*Студентка,
Тюменский государственный
университет,
Институт социально-гуманитарных
наук,
г. Тюмень, Россия*

Summary. This article analyzes phraseological units with a color component in the linguistic and methodical aspect. Particular attention is paid to the study of the national-cultural aspect of phraseology. We have developed a set of tasks aimed at the qualitative study of phraseological units with a flower component. We also came to the conclusion that this section is not studied sufficiently in the course of the school curriculum.

Keywords: phraseology; color designations; teaching methods; Russian language.

В данной работе мы рассмотрели фразеологизмы с колоративными компонентами в лингвометодическом аспекте. Также нельзя не отметить важность лингвокультурологической составляющей в работе с фразеологией, особенно когда задача локализована вокруг фразеологических единиц с колоративными элементами. Через изучение семантики фразеологии в школе преподаватель так или иначе попутно затрагивает темы, касающиеся понимая культурных традиций и явлений определенной эпохи. Процесс развития русской народной культуры, специфика речевого строя, обычаи, традиции и уклад жизни людей, их менталитет находят непосредственное отражение во фразеологии.

Изучение колоративного компонента интегрируется в смежную дисциплину – литературу. Тщательно изучив особенности цвета на примере фразеологизмов, школьник просто не сможет не обратить внимание на значительную роль цветообозначений при анализе литературного произведения. Также необходимо отметить, что процесс образования новых фразеологизмов не остановился. Язык порождает новые речевые обороты, в которых так или иначе отражаются социальные процессы.

Существует множество характеристик художественного произведения, с помощью которых автор рисует особую картину мира, дает проникнуться своим мироощущением. Одной из них является цвет. Это тот зрительный образ, который вызывает у людей определенные ощущения, ассоциации, может даже влиять на настроение.

Например, красный – цвет вызова, агрессии, цвет крови. Человек, стремящийся к спокойному состоянию перед сном, не станет окрашивать стены спальни в ярко-красные оттенки. Мистическим, загадочным и таинственным в русской культуре считается синий. С ним связано множество

обрядов и суеверий; также это цвет воды, которая, в свою очередь, считалась в древности местом, где таятся злые, враждебные человеку силы.

В английском языке также существует несколько выражений со словом *blue*, которые имеют выраженный отрицательный подтекст. Например, *to be in the blue* «грустить, быть в подавленном состоянии»; *came out of the blue* «как гром среди ясного неба». Афроамериканцы подарили миру самое печальное направление в музыке – *blues*; блюз не что иное, как «грусть доброго человека» [2].

Роль цвета в психологии (примером может служить тест Люшера), фольклоре (эпитеты в русских народных сказках – синяя птица, сивка-бурка, красна девица, серый волк и т. д.), поэзии весьма значительна. Также цвет несомненно связан с национальной картиной мира (цвета герба и флага как основных государственных символов).

Из вышесказанного мы видим, что цвет – довольно емкая характеристика, включающая в себя множество значимых для полного понимания идеи анализируемого объекта элементов. Таким образом, в этой связи представляется актуальным провести анализ лингвометодического изучения фразеологизмов, в составе которых присутствуют колоративные прилагательные.

На изучение данной темы отводится не более 3-х часов в год, а знания в этой области в дальнейшем пригодятся ребятам при сдаче ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку и литературе.

Рассмотрев словарь А. И. Федорова, мы обнаружили в нем более ста фразеологизмов, содержащих в своем составе колоративные прилагательные. Так как данный словарь иллюстрирован примерами из русской классической литературы, рассматриваемой в школе, мы видим, что изучение данного пласта лексики актуально для школьников. Но при этом в заданиях школьных учебников нечасто встречаются ФЕ с компонентом цвета. Мы проанализировали линейки учебников и нашли лишь несколько упоминаний названных ФЕ. Также обращает на себя внимание сама подача заданий – составители не ставят целью углубить знания учеников в лингвокультурологической стезе. Другими словами, не проводится параллель между изучением ФЕ, из самого определения которых следует, что они «устоялись в употреблении», а значит отражают особенности уклада жизни людей, и изучением культуры народа. В результате проведенного нами в 8 классе МАОУ СОШ № 1 г. Салехарда анкетирования выяснилось, что только около 50 % фразеологизмов с элементами цветообозначений оказались верно истолкованы учениками без помощи поисковых сервисов. Таким образом, мы считаем необходимым внесение изменений в данный раздел учебников.

Мы составили несколько упражнений, которые, на наш взгляд, могли бы послужить дополнением к школьной программе.

1. Игра «Наоборот»

Учитель озвучивает историю происхождения фразеологизма, его значение. Ученикам нужно отгадать фразеологизм.

Пример 1: Данный фразеологизм, а скорее фраза из «разбойничьего» жаргона означает умышленный поджог. В устойчивом словосочетании упоминается петух, как «божество небесного огня», которого нужно «пустить», для того, чтобы возникло возгорание. Таким образом селяне обычно мстили богатым хозяевам. (пускать красного петуха)

Пример 2: Означает ссору, размолвку между кем-либо. Фразеологизм породили суеверия, связанные с приданием негативной коннотации символу черной кошки. (пробежала черная кошка)

Учитель: Отражением каких явлений являются фразеологизмы? Как вы считаете, почему фразеологизмы отражают уклад жизни людей, их традиции и культуру? Как могли появляться ФЕ? Какую роль играет значение цвета в устойчивом обороте речи?

Задачи: показать ученикам, что происхождение фразеологизмов напрямую связано с национальной культурой; объяснить значимость цветокомпонента для понимания полного смысла фразеологизма.

2. Игра «Радуга»

Учитель предлагает ребятам назвать их личные ассоциации с тем или иным цветом, а затем начинает проводить игру.

Классу предлагается разделиться на две команды. Учитель называет цвет, команды должны предложить как можно больше фразеологизмов в составе которых присутствует данный цвет. Выигрывает та команда, за которой остается последнее слово.

Учитель: Совпадают ли ваши ассоциации со значением фразеологизмов с колоративными прилагательными? Фразеологизмов с какими цветами вы назвали больше всего? Как вы считаете, почему так получилось? Как вы считаете, закреплялось ли какое-то определенное значение цвета во фразеологии? Приведите примеры (на черный день, в черном цвете, чернее тучи, черное дело и т. д.)

Задачи: Выявить общее семантическое значение определенного цвета. Показать, что за тем или иным цветом чаще всего закреплено одно или несколько значений. Подумать, как это могло ассоциироваться с укладом жизни народа.

Учитель: Можете ли вы назвать фразеологизмы со следующими цветообозначениями: коричневый, оранжевый, фиолетовый? Как вы считаете, почему вы назвали так мало устойчивых оборотов? Предположите, как называли эти цвета на Руси? (коричневый – бурый, оранжевый – янтарный, медовый, фиолетовый – сизый и т. д.).

Таким образом, составленные нами упражнения включают в себя задания, затрагивающие национально-культурный аспект изучения фразеологии, а также реализуют коммуникативную, познавательную и контролирующую функции. «Фразеологизмы с компонентом цветообозначения являются яркой иллюстрацией народного самосознания, культурно-

исторического развития, выразительного потенциала языка как способа отражения эмоционального состояния» [6]. Классическая литература содержит в себе множество подтверждений данному тезису. Следовательно, ФЕ с колоративными компонентами заслуживают большего внимания, чем им уделено в УМК.

Библиографический список

1. Алымова Е.А. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: Автореф. канд. филол. наук, СПб, 2007. 11 с.
2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и название цвета в русском языке. М: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140-161.
4. Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный Вестник ВГАСУ. 2012. № 2. С. 113-123
5. Гете И.В. Трактат о цвете // Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 300-340.
6. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России / Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
7. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Альянс, 2012. 286 с.
8. Козлова Н.Н. Цветовая картина мира в языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2010. № 3. С. 82-88.
9. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология М.: Academia, 2001. 205 с.
11. Токарев Г. В. Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке Тула, 2018 с. 470-474.
12. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1984. 73 с.
13. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка // Новосибирск, 1995.
14. УМК под ред. М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой (5-9 класс).
15. УМК под ред. С. И. Львовой, В.В. Львова (5-9 класс).
16. УМК под ред. М. М. Разумовской, С. И. Львовой, В.И. Капинос, В. В. Львова (5-9 класс).

ВУЗОВСКОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ КАК ТЕКСТ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНО-СЕМИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Н. Б. Лебедева
Ю. В. Сухоиваненко

*Доктор филологических наук, профессор,
магистрант,
Кемеровский государственный
университет,
г. Кемерово, Россия*

Summary. In this article, we consider a university announcement in the substantial and non-substantive facies. For this, we use the communicative-semiotic model of N. B. Lebedeva.

Keywords: university announcement; communicative semiotic model; substantial and non-substantive facies; author; addressee; purpose; communication.

Естественная письменная речь (ЕПР) меньше всего привлекает внимание российских исследователей, а потому до сих пор остаётся слабо-освоенной темой.

Основанием для такого положения послужил довод лингвистов о том, что ЕПР является явлением вторичным и следует уже из устной речи.

Именно поэтому изучающие ЕУР часто используют тексты, относящиеся к ЕПР (письма, объявления, граффити) и неотделимые от самого ЕУР, при этом оставляя без внимания отличительные особенности каждого из направлений.

Можно выделить ряд конститутивных признаков, необходимых для признания текста объявлением. Во-первых, наличие какого-либо факта, о котором нужно сообщить в объявлении. Во-вторых, это наличие в тексте информативной и воздействующей функций. Доминирующей функцией в объявлении является информативная функция. Дополнительными, более частными функциями являются вокативная, апеллятивная, инструктивная и фатическая функции. В-третьих, объявление должно состоять из заголовка и текста объявления.

2.1. Субстанциональные фациенты

2.1.1. Фациент автор

Авторами объявлений являются:

- преподаватели,
- студенты,
- администрация вуза,
- технические работники,
- работодатели.

Тексты вузовских объявлений являются полиавторскими, так как авторами могут выступать сразу несколько лиц. Объявления характеризуются имплицитностью, потому что автор не всегда указан, в большинстве

случаев он отсутствует. Однако присутствуют объявления и эксплицированного характера.

Например, такое объявление: «Уважаемые преподаватели, сотрудники, аспиранты, магистранты и студенты КемГУ! На межвузовской кафедре общей и вузовской педагогики института образования проводится запись на курсы «преподаватель высшей школы». Руководитель программы Касаткина Наталья Эмильевна». В этом объявлении мы видим, что автор указан. Или другое объявление: «Уважаемые студенты 4 курса бюджетной формы обучения!!! Банк ВТБ24 приглашает вас на замену стипендиальных карт со сроком действия 8.16 и 9.16. Выдача новых карт состоится 06.09.2016 в 8 корпусе КемГУ. При возникновении вопросов можете обращаться по телефону... Кирилл. В этом объявлении тоже автор явно выражен.

Существуют и такие объявления, в которых автор не явно выражен:

«28 октября пятница 18:00 холл главного корпуса Красная, 6 Нарру Halloween. Организаторы: ОСО, КемГУ». В этом объявлении указаны организаторы, но кто являлся автором данного объявления, мы не понимаем.

«В МБОУ «Барановская СОШ» Кемеровского района требуется учитель немецкого и английского языков. По всем вопросам обращаться в администрацию МБОУ «Барановская СОШ». В данном объявлении мы тоже не понимаем, кто именно из администрации «Барановской СОШ» составил данное объявление.

Теперь вернемся к имплицитным объявлениям. В таких объявлениях автор не указан. Приведем примеры:

«Факультатив по нидерландскому языку проводится: начинающая группа-чет. среда 12.20 неч. Вторник 10.15 (6415) продолжающая- среда 10.15 (6415)». В данном объявлении указана информация, что факультатив по нидерландскому языку проводится, но не указано, кто именно его проводит. В данном объявлении мы не знаем, кто является его автором. Так же можно сказать и про другое объявление:

«18 ноября Пятница ДИСКОТЕКАВЕКА в честь международного дня студента».

«They need you. Приглашаем принять участие в Кемеровской международной модели ООН 2-3 декабря»

«Уважаемые студенты! Следующий заезд в с/п «Вита»: 15.11.2016г-05.12.2016г. Заявления принимаются в ПОС КемГУ (ауд.2116)» В данных объявлениях тоже не указан автор.

Мы представили в примерах только несколько объявлений, привели примеры объявлений эксплицированного характера и имплицитного характера. На основе примеров и нашего исследования, мы можем сделать вывод, что чаще встречаются объявления имплицитного характера, чем эксплицированного.

2.1.2. Фациент адресат

Если автор это тот, кто пишет объявление, то адресат это тот, кто их читает. Во время написания объявлений автор ориентируется на определенного адресата.

Адресатами вузовских объявлений чаще всего являются преподаватели или студенты. Встречаются объявления, которые одинаково ориентированы и на тех и на других.

«Отдел ТСО располагается в каб.2207». Это объявление может быть ориентировано на преподавателей и студентов.

«Кемеровский хастл клуб «Продвижение» проводит набор в группу начального уровня для любого возраста». Данное объявление так же является актуальным и для студентов и для преподавателей, потому что в нем делается акцент на том, что человек любого возраста может заняться танцами и попасть в группу.

Только на студентов ориентированы объявления, которые имеют тематику танцев, студенческих отрядов, субсидий на обучения, спорта.

«Внимание!!! Йога для студентов! Расписание занятий: Вторник, четверг с 19.00-20.00. Зал 1 в подвале общежития 2. Среда, пятница с 19.00-20.00. Зал гимнастики, 2 корпус, 2 этаж. Цена занятий 170 рублей». В этом объявлении словами «для студентов» показывают, что оно ориентировано только на студентов.

«Целевая субсидия на оплату обучения. Доход ниже прожиточного минимума. Размер компенсации в зависимости от наличия оценок. Право на субсидию имеют студенты 2–5 курса». На то, что это объявление ориентировано на студентов указывают слова «субсидия на оплату обучения» и само слово «студенты».

«Снежный десант 2017 ждет тебя! А именно отряд «Легенда Кузбасса» начинает набор! Ты любишь творить и дарить добро? Ты хочешь найти новых друзей и познакомиться с веселыми и классными людьми? Ты хочешь провести незабываемую неделю зимы? Тогда заполняй анкету и отправляй нам». В этом объявлении автор пытается приблизиться к адресату, он создает атмосферу дружбы, товарищества, используя неофициальный стиль и многократное обращение к адресату на «ты». Такое объявление не может быть ориентировано на преподавателя.

После проведенного исследования мы видим, что объявления, в которых адресат только студент, отличаются от объявлений, в которых адресатом является как студент, так и преподаватель. Объявления, в которых адресат только студент, носят менее официальный характер, нежели объявления, в которых адресатом является преподаватель и студент.

2.1.3. Пациент знак – диктумно-модусное содержание

Знак подразделяется на формальную и содержательную стороны. Структура содержательной темы – монолог.

Основой диктумно-модусной стороны является тема. Диктумно-модусное содержание вузовского объявления – это информация о работе, культурных мероприятиях, конференциях, собраниях и т. д.

«Вакансия менеджера Срочно требуется менеджер со знанием письменного английского языка Центр разработки программного обеспечения EDISON Кемерово, Центральный район, Пр. Ленина, 90/2 – посмотреть на карте от 20 000 руб.» Темой данного объявления является работа. В объявлении отсутствуют некоторые знаки препинания и после запятой сокращение «Пр» от слова «проспект» написано с заглавной буквы. Как мы видим, в тексте объявления наблюдается несоответствие кодифицированным нормам.

2.1.4. Пациент орудие и средство написания знака и пациент субстрат – материальный носитель знака

Орудие написания – компьютер, ручка. Средство написания – чернила. Можно выделить несколько видов субстрата:

- листы А 3, А 4;
- листы из блокнотов.

Орудием написания большинства собранных объявлений является компьютер.

Однако есть и те объявления, которые написаны ручкой на листке. Как правило, такие объявления не несут важной информации или они охватывают небольшой временной промежуток. Например, такое объявление: «Ключи от мультимедийных аудиторий на вахте». Это объявление написано ручкой на бумажном листе. Подобное объявление может написать преподаватель студентам.

«Занятие переносится из аудитории 2205 в аудиторию 2208». Это объявление тоже написано ручкой на блокнотном листке.

Можно сделать вывод, что объявления, напечатанные на компьютере, несут в себе важную информацию, а объявления, написанные от руки, несут кратковременную информацию, но не всегда менее важную.

2.1.5. Пациент место расположения знака – носитель субстрата

Вузовские объявления расположены на специальных досках для объявлений. Так же объявления вешают на двери, стены, туда, где их сможет увидеть адресат, который может быть заинтересован в указанной информации.

Рассмотрев субстанциональные фациенты, мы можем выделить, что все фациенты взаимодействуют друг с другом, и каждый из них является важным для естественной письменной речи.

2.2. Несубстанциональные фациенты

2.2.1. Цель-Коммуникативно-целевой фациент

В первой части второй главы мы рассматривали вузовское объявление с помощью субстанциональных фациентов, теперь переходим к несубстанциональным фациентам, их шесть столько же, сколько и субстанциональных.

Начнем рассматривать фациенты с коммуникативно-целевого. Цель вузовского объявления зависит от его содержания. Работодатели, подавая объявление о поиске работника, преследуют цель найти его. Администрация вуза, подавая объявление о праздничных днях, преследует информативную цель. Студенты, создавая афиши на «Первый снег» или «Студвесну» преследуют сразу несколько целей: информативную, указывая когда, где и во сколько состоится концерт; эмоциональную, пытаясь своим плакатом заинтересовать адресатов и вызвать какие-либо эмоции; экспрессивную, надеясь получить отклик на их действия.

Рассмотри плакат с «Первого снега» факультета ИФИЯМ. Сверху на плакате указана дата мероприятия 14.11.2016, она выполняет информативную функцию, мы понимаем, когда будет проходить данное мероприятие. Однако, как только подходим к стенду, наше внимание привлекает, не когда будет проходить концерт, а большие красные буквы, которые занимают большую часть пространства. Помимо цветового решения, буквы еще имеют нестандартный шрифт, размер и ширину. Этими буквами написано название концерта «Конец прекрасной эпохи». Фон плаката фиолетово-синий. Такая афиша сразу бросается в глаза и цветовым решением и загадкой в названии, скорее всего, что адресат, прочитавший данную информацию, захочет сходить на данный концерт. Как мы видим, объявление выполнило все три функции информативную, эмоциональную и экспрессивную.

Теперь возьмем объявление о работе.

«Санаторию «Кедровый бор» требуется спортивный инструктор (проведение занятий по аквааэробике, спортивным и подвижным играм, в тренажерном зале). График работы 2/2, с 8.00 до 20.00, служебный транспорт». В этом объявлении автор использует только информативную функцию. Объявление набрано черными буквами на белом листе бумаги, такое объявление сразу не бросается в глаза, потому что оно не выделяется среди таких объявлений. Автор не ставил перед собой такой задачи.

Рассмотрев примеры, мы видим, что каждое объявление имеет свою цель или даже несколько целей, для реализации которых автор объявления использует разные приемы привлечения внимания.

2.2.2. Графико-пространственный параметр знака

Вузовские объявления написаны кириллическим алфавитом. Другие коды не присутствуют.

Собранные объявления имеют как печатный вид, так и рукописный. При написании объявлений используются различные шрифты: жирный, тонкий, вытянутый, косой и т. д.

Буквы имеют разную форму и размер, слово может начинаться с маленьких букв, а заканчиваться большими и наоборот, начинаться с больших букв, а заканчиваться маленькими, на такие слова автор просит обратить особое внимание, потому что они несут в себе важную информацию. Буквы могут быть написаны прямо или с наклоном, на одной высоте или на разных.

Используются различные знаки препинания (:, -,?!»). Чтобы подчеркнуть важность слов, некоторые слова подчеркивают или выделяют другим цветом.

Некоторые объявления дополнялись креализованными текстами. Все вышеперечисленное в данном подпункте это графологический параметр.

Ортологический параметр связан с соблюдением письменных норм языка. Внешняя форма объявлений разборчива. Пунктуация соблюдена не во всех случаях. В большинстве объявлений пропущены знаки препинания.

«В школу № 51 требуется учитель Подробная информация Заработная плата от 10000 руб. Район трудоустройства Кемеровская область, г. Кемерово Подробнее о вакансии Специализация английского языка Система оплаты Повременная форма оплаты труда Требуется 1». Как мы видим, в данном объявлении отсутствуют некоторые знаки препинания, которые должны в нем быть, такие как точка, запятая, дефис.

«1 декабря – всемирный день борьбы со СПИДОМ население России составляет более 146 миллионов человек. Из них живут с ВИЧ около 820 000 человек Каждые пять минут в России заражается 1 человек Остановим СПИД вместе!» В представленном объявлении есть только два знака препинания это дефис и восклицательный знак, но большинство знаков препинания пропущены.

Однако есть и такие объявления, в которых соблюдены правила пунктуации, если не в полной мере, то частично.

«Уважаемые студенты! Приглашаем вас принять участие в фотоконкурсе книга в кадре, приуроченном к Году российского кино, Конкурс проводится с 1 октября по 30 ноября 2016 г. Снимки, представленные на конкурс, должны быть в печатном и электронном виде. На фотографиях должны быть запечатлены: библиотека, моменты чтения и работы с книгой». В данном объявлении пропущена только одна точка, после слова кино, остальные правила орфографии и пунктуации соблюдены.

Соблюдение пунктуационных норм в вузовских объявлениях 20 %, а несоблюдение норм – 80 %. Из этого можно сделать вывод, что при напи-

сании объявления авторы в большинстве своем не руководствуются нормами русского языка.

2.2.3. Среда коммуникации

Социальной средой вузовских объявлений является университет города Кемерово, а именно КемГУ.

Вузовские объявления могут прочитать только те реципиенты, которые находятся в стенах указанных университетов. Однако в самих учебных заведениях они находятся в свободном доступе, их может прочитать любой студент или преподаватель, работник университета. Из-за того, что вузовские объявления доступны, их срывают, в них что-то добавляют, исправляют, тем самым подвергая уничтожению данное письменно-речевое произведение.

Количество авторов объявления не ограничено.

Библиографический список

1. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001.
2. Лебедева, Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000.
3. Лебедева, Н.Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2001.
4. Щербаков, А. В. Речевой жанр и смежные понятия // Стереотипность и творчество в тексте. – Вып. 9. – Пермь, 2005.

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ МИМИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Н. Б. Лебедева
А. В. Адайкина

*Доктор филологических наук, профессор,
магистрант,
Кемеровский государственный
университет,
г. Кемерово, Россия*

Summary. In this paper we review a different ways of representing non – verbal components of communication, and in particular – facial expression in such work of art as a «Master and Margarita» by M. A. Bulgakov. After all, facial expression, by its nature, are dynamic. Thanks to this, the speaker has a non-verbal impact on the listener.

Keywords: Non-verbal components of communication; mimics; physiognomics; artistic text; M. Bulgakov «Master and Margarita».

Без коммуникации не может существовать ни одно общество. Поскольку для каждого человека, общение – есть среда его обитания. Но для успешности осуществления передачи информации недостаточно в совершенстве владеть только вербальным языком. Важно знать то, как заинтересовать собеседника или повлиять на его мнение, уметь распознавать тех, кто симпатизирует, или настроен агрессивно. В этом и помогают невербальные компоненты коммуникации.

Особую роль в коммуникации играют мимические движения, которые отражают различные психические состояния человека. Мимика по своей природе динамична. И благодаря мимическим движениям можно узнать не только эмоциональное состояние человека, но и отношение говорящего к собеседнику, к самому себе, к произносимым словам и условиям, в которых происходит коммуникация, а также оценить качества, присущие каждому из коммуникантов. С помощью мимики, как правило, производится неречевое воздействие говорящего на собеседника. Мимика, в переводе с греческого языка, означает «подражание». Это движения мышц лица при проявлении каких-либо чувств и эмоций.

Традиционно, лицо человека физиогномисты делят на три зоны:

1. **Витальная.** Данная часть лица даёт представление об инстинктах человека, о его отстаивании прав на своё существование, а также о стремлении к своей цели. В данную часть входит подбородок, показывающий, насколько сильны волевые качества человека.

«Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки».

Данный пример («снисходительно усмехнулся») показывает внутреннее состояние героя (Воланда) в данной ситуации.

«Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд, не отрываясь, смотрел на необъятное собрание дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг».

«Острый подбородок» героя указывает на такие качества, как целеустремлённость, силу и стойкость воли.

2. **Эмоциональная.** Эта зона, как правило, отражает степень чувствительности человека, раскрывает состояние человека в процессе определённой коммуникации.

К эмоциональной зоне относятся щёки, скулы, нос, рот, губы. Они могут быть своеобразным регулятором внутреннего состояния, а также могут означать жест – речевое действие.

«Тут мастер засмеялся и, обхватив давно развившуюся кудрявую голову Маргариты, сказал: – Ах, не слушайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живет другой человек, и вообще не бывает так, чтобы все стало, как было. – Он приложил щеку к голове своей подруги, обнял Маргариту и стал бормотать: – Бедная, бедная...»

Данный жест, в сумме с вербальной составляющей прекрасно позволяет нам увидеть проявление эмоций героя (Мастера к Маргарите) в определённой ситуации.

«– Первые! – воскликнул Коровьев, – господин Жак с супругой. Рекомендую вам, королева, один из интереснейших мужчин! Убежденный фальшивомонетчик, государственный изменник, но очень недурной алхимик. Прославился тем, – шепнул на ухо Маргарите Коровьев, – что отравил королевскую любовницу. А ведь это не с каждым случается! Посмотрите, как красив! Побледневшая Маргарита, раскрыв рот, глядела вниз и видела, как исчезают в каком-то боковом ходу швейцарской и виселица, и гроб.»

«Раскрытый рот» Маргариты свидетельствует об её удивлении.

Следует отметить, что рот считается наиболее подвижной частью лица (наиболее экспрессивной), он один из первых реагирует на изменения чувств и эмоций человека.

«Кот сидел, насупившись во время этого опыта со стрельбой и вдруг объявил: «Берусь перекрыть рекорд с семеркой». Азazelло в ответ на это что-то прорычал. Но кот был упорен и потребовал не один, а два револьвера. Азazelло вынул второй револьвер из второго заднего кармана брюк и вместе с первым, презрительно кривя рот, протянул их хвосту-ну» – первой реакцией героя (Азazelло) на реплику говорящего (кота) было именно движение ртом («кривя рот»), которое означает в данной коммуникативной ситуации презрение.

Автор описывает и основные эмоции, движимые коммуникантами в определённых ситуациях:

а) Счастье (радость, веселье, удовольствие). Состояние человека, при наибольшей удовлетворённости окружающими условиями. При ощу-

щении человеком счастья, уголки губ чуть приподняты и отведены назад, глаза блестят или слегка зажмурены. К примеру:

«– Тигров нельзя есть, – сказала Гелла. – Вы полагаете? Тогда прошу послушать, – отозвался кот и, жмурясь от удовольствия, рассказал о том, как однажды он скитался в течение девятнадцати дней в пустыне и единственно, чем питался, это мясом убитого им тигра».

В данном фрагменте герою приятно поведать о том, что с ним когда-то произошло, о чём говорят зажмуренные глаза.

б) Удивление. Во время удивления брови приподняты, рот приоткрыт, глаза широко открыты, к примеру:

«– Синедрион просит отпустить Вар-раввана. Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление. Пилат это и сделал с большим искусством. Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением. – Признаюсь, этот ответ меня удивил, – мягко заговорил прокуратор, – боюсь, нет ли здесь недоразумения»

с) Страх – внутреннее состояние человека, подразумевающее сильный испуг или боязнь. Данная эмоция отражается на лице следующим образом: брови приподняты и сведены, глаза широко раскрыты, рот приоткрыт. Присутствует и такое вегетативное проявление, как внезапное побледнение героя.

д) *«Дух перехватило у Маргариты, и она уж хотела выговорить заветные и приготовленные в душе слова, как вдруг побледнела, раскрыла рот и вытаращила глаза. «Фрида! Фрида! Фрида! – прокричал ей в уши чей-то назойливый, молящий голос. – Меня зовут Фрида!» – Маргарита испугалась от неожиданного крика в ушах, о чём свидетельствует её мимика.*

е) Гнев (злость; ярость). Данная эмоция является отрицательной, во время гнева человек настроен враждебно, его губы сомкнуты, нос сморщен, возможен оскал:

«– Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала она, впиваясь мне в плечи, – ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила у себя один экземпляр! Она оскалилась от ярости, что-то еще говорила невнятно. Затем, сжав губы, она принялась собирать и расправлять обгоревшие листья».

ф) Отвращение – неприятие чего-либо. При данной эмоции лицо героя морщится.

«– Поэт, – мрачно ответил Иван и впервые вдруг почувствовал какое-то необъяснимое отвращение к поэзии, и вспомнившиеся ему тут же собственные его стихи показались почему-то неприятными. Морща лицо, он, в свою очередь, спросил у Стравинского: – Вы – профессор?».

Сморщенное лицо героя свидетельствует о том, что всё происходящее ему не совсем приятно.

«Тут гость и послал свой особенный взгляд в щеку прокуратора. Но тот скусающими глазами глядел вдаль, брезгливо сморщившись и созерца

часть города, лежащую у его ног и угасающую в предвечерье. Угас и взгляд гостя, и веки его опустились».

Данный пример также иллюстрирует отвращение героя, выраженное с помощью мимики (сморщенное лицо).

3. **Интеллектуальная.** С помощью данной зоны определяется мыслительная деятельность человека, а также её скорость и направление. Она включает в себя лоб, брови, глаза.

«– Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте. – Ну, жив, жив, – неохотно отозвался Азazelло. – Божe! – Пожалуйста, без волнений и вскрикиваний, – нахмурясь, сказал Азazelло... – Я приглашаю вас к иностранцу совершенно безопасному. И ни одна душа не будет знать об этом посещении. Вот уж за это я вам ручаюсь».

Нахмуренные брови показывают недовольство и неодобрительное отношение со стороны Азazelло к Маргарите.

Следует отметить, что основную информативную нагрузку, как правило, несут глаза. Именно по глазам можно чаще всего распознать какой-либо подтекст, скрытый смысл слов.

«– Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать. – Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил иностранец. – Это почему? – Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.»

«Прищуренные глаза» означают хитрость и недобрые планы говорящего (Воланд).

Особую роль в общении играет взгляд (визуальный контакт). Зачастую визуальный контакт между коммуникантами помогает в регулировании самого общения. Именно по взгляду можно понять то, каковы намерения говорящего, говорит ли он правду или что-то скрывает и т. д.

В романе М. Булгакова взгляд бывает: прямым, пронзительным, пронзительным, искоса, презрительным, удивлённым, беглым, весёлым, прикованным, вопросительным, особенным, неожиданным, равнодушным, выразительным, пугливым, хмурым, странным, вороватым, суровым, отчаянным, благоговейным, осторожным, конфузливym, безумным, тоскливым, диковатым, угасающим, беспокойным, мрачным, тревожным и благожелательным. В качестве подтверждения, можно привести в пример следующие несколько фрагментов текста:

«На изуродованном лице Крысобоя не выразалось ни утомления, ни неудовольствия, и казалось, что великан кентурион в силах ходить так весь день, всю ночь и еще день, – словом, столько, сколько будет надо. Все так же ходить, наложив руки на тяжелый с медными бляхами пояс, все так же сурово поглядывая то на столбы с казненными, то на солдат в

цепи, все так же равнодушно отбрасывая носком мохнатого сапога попадающиеся ему под ноги, выбеленные временем человеческие кости или мелкие кремни».

«Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей».

«Доктор поклонился Рюхину, но, кланяясь, смотрел не на него, а на Ивана Николаевича. Тот сидел совершенно неподвижно, со злым лицом, сдвинув брови, и даже не шевельнулся при входе врача. – Вот, доктор, – почему-то таинственным шепотом заговорил Рюхин, пугливо оглядываясь на Ивана Николаевича, – известный поэт Иван Бездомный... вот, видите ли... мы опасаемся, не белая ли горячка...»

«Тут наступила полная тишина, и толстая женщина, утром ухаживавшая за Иваном, благоговейно поглядела на профессора, а Иван еще раз подумал: “Положительно умен”».

«Он не отбрасывает тени!» – отчаянно мысленно вскричал Римский. Его ударила дрожь. Варенуха воровато оглянулся, следуя безумному взору Римского, за спинку кресла и понял, что он открыт».

Каждый из героев может характеризоваться особым взглядом. Например, Воланд. При описании его взгляда автор использует такие лексические единицы, как «пристально», «проницательно».

«– Гелла, пора», – сказал Воланд, и Гелла исчезла из комнаты. – Нога разболелась, а тут этот бал, – продолжал Воланд. – Позвольте мне, – тихо попросила Маргарита. Воланд пристально поглядел на нее и пододвинул к ней колени».

«Незнакомец не сидел, а стоял возле нее, держа в руках какую-то книжечку в темно-сером переплете, плотный конверт хорошей бумаги и визитную карточку. – Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации, – веско проговорил неизвестный, проницательно глядя на обоих литераторов».

Улыбка является одним из важных средств невербального общения. Учеными выявлены следующие функции улыбки:

1) **Функция характеристики улыбающегося как носителя положительных признаков, например:**

«– Итак, – обратился к Маргарите Воланд, – рекомендую вам, донна, мою свиту. Этот валяющий дурака – кот Бегемот. С Азazelло и Короьевым вы уже познакомились, служанку мою Геллу рекомендую. Растропна, понятлива, и нет такой услуги, которую она не сумела бы оказать. Красавица Гелла улыбалась, обратив к Маргарите свои с зеленью глаза, не переставая зачерпывать пригоршней мазь и накладывать ее на колени».

2) **Функция вызова взаимных позитивных эмоций у партнёра по коммуникации:**

«Несколько секунд длилось молчание. «Он изучает меня», – подумала Маргарита и усилием воли постаралась сдержать дрожь в ногах. Наконец Воланд заговорил, улыбнувшись, отчего его искристый глаз как бы вспыхнул: – Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой домашний наряд».

Герой улыбнулся для того, чтобы приглушить страх у собеседника и вызвать положительные эмоции.

3) **Функция самовоздействия** – это попытка улыбкой приободрить себя самого во время коммуникации.

«Трудный народ эти женщины! – он засунул руки в карманы и далеко вперед вытянул ноги, – зачем, например, меня послали по этому делу? Пусть бы ездил Бегемот, он обаятельный... Маргарита заговорила, криво и жалко улыбаясь: – Перестаньте вы меня мистифицировать и мучить вашими загадками... Я ведь человек несчастный, и вы пользуетесь этим. Лезу я в какую-то странную историю, но, клянусь, только из-за того, что вы поманили меня словами о нем! У меня кружится голова от всех этих непонятностей...»

Маргарита намеренно пытается подбодрить себя, к тому же её улыбке можно считать и защитой в данной ситуации.

4) **Функция, стимулирующая продолжение контакта.**

«– Так я, стало быть, могу попросить об одной вещи? – Потребовать, потребовать, моя донна, – отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, – потребовать одной вещи! Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты – «одной вещи»! Маргарита вздохнула еще раз и сказала: – Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребенка».

В романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова встречаются различные виды улыбок.

1) **Приветливая улыбка/улыбка вежливости.**

«– Очаровательнейшая и солиднейшая дама, – шептал Коровьев, – рекомендую вам: госпожа Гофана, была чрезвычайно популярна среди молодых очаровательных неаполитанок, а также жительниц Палермо, и в особенности среди тех, которым надоели их мужья. Ведь бывает же так, королева, чтобы надоел муж. – Да, – глухо ответила Маргарита, в то же время улыбаясь двум фрачникам, которые один за другим склонялись перед нею, целуя колено и руку».

В примере отчетливо видно, что в качестве приветствия гостей Маргарита выбрала улыбку.

«Теперь по лестнице снизу-вверх поднимался поток. Маргарита перестала видеть то, что делается в швейцарской. Она механически поднимала и опускала руку и, однообразно скалясь, улыбалась гостям. В воз-

духе на площадке уже стоял гул, из покинутых Маргаритой бальных зал, как море, слышалась музыка».

Это своеобразный принуждённый акт вежливости: Маргарита несмотря на сильную боль всё равно смогла заставить себя улыбаться гостям.

2) **Радостная/дружелюбная улыбка.** Это отражение определённого состояния человека: радости, счастья и прочих положительных эмоций, и чувств.

«– Милый барон, – продолжал Воланд, радостно улыбаясь, – был так очарователен, что, узнав о моем приезде в Москву, тотчас позвонил ко мне, предлагая свои услуги по своей специальности, то есть по ознакомлению с достопримечательностями. Само собою разумеется, что я был счастлив пригласить его к себе».

По улыбке становится понятно, что Воланд был рад такому поведению барона.

3) **Ухмылка/усмешка** – недобрая улыбка, к примеру:

«Фагот, сладко ухмыляясь, объявил, что фирма совершенно бесплатно производит обмен старых дамских платьев и обуви на парижские модели и парижскую же обувь. То же самое он добавил относительно сумочек, духов и прочего».

4) **Защитная улыбка.** Данный вид улыбки, как правило, помогает разрядить напряженность, возникающую при коммуникации. Примером может послужить следующий фрагмент из произведения:

«– Я розы люблю. Тут я пожалел о том, что это сказал, потому что она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву».

«Виноватая улыбка» в этом случае считается защитной реакцией Маргариты на слова мастера.

Таким образом, мимические движения являются одними из главных форм проявления определённых чувств и эмоций.

Библиографический список

1. Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов. – С.-П.: «Питер», 1997. – 176 с.
2. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита; Белая гвардия: Романы / Предисл. В. И. Сахарова. – Мн.: Юнацвата, 1988. – 670 с.
3. Верещагин, Е. М. Костомаров, В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. 1981. №1. – 36–47 с.
4. Климашева, О. В. Способы языкового представления невербальных компонентов коммуникации в тексте (экспериментальное исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва. 2012 – 23 с.
5. Крейдлин, Г. Е. Кинесика // Словарь языка русских жестов. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 200 с.

ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Б. В. Ользеева
С. В. Манджиева

Магистрант,
доцент,
Калмыцкий государственный
университет,
г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Summary. The article is devoted to the study of characteristic features of expressing implication in the English - language advertising texts. The ways of implicating information in advertising texts at the phonetic, morphological and lexical levels are taken into account.

Keywords: implication; advertising text; linguistic markers; expressiveness.

Имплицитная информация трактуется как разноуровневая информация, которую можно извлечь посредством взаимодействия эксплицитных значений с условиями их реализации в тексте. Выявление особенностей извлечения имплицитной информации в текстах англоязычной рекламы базируется на использовании разноуровневых средств английского языка, которые и представляют собой ту самую эксплицитную информацию, на основании которой происходит извлечение скрытых в тексте смысловых аспектов.

Извлечение имплицитной информации в текстах англоязычной рекламы обуславливает их функциональные и когнитивно - дискурсивные особенности с учетом фонетических, лексико - морфологических, синтаксических средств импликации.

Как показал практический анализ материала, на фонетическом уровне имплицитирование информации в тексте англоязычной рекламы может достигаться за счет функционирования аллитерации, представленной повтором одинаковых или однородных согласных: Samsung My portable portfolio. Stunning performance inside, stylish design outside. Enjoy the new fast, safe, and stylish portable SSD (Cosmopolitan 2019 (01): 37).

В рекламе аудиосистемы Samsung внимание реципиента акцентируется на повторе фонемы «s» в лексических единицах *stunning, stylish, safe*, которые обеспечивают созвучие названия рекламируемого бренда с присваиваемыми ему характеристиками. В данном примере с позиции его прагматической направленности подчеркивание качеств объекта рекламы – желанного, стильного и безопасного – осуществляется посредством аллитерации.

Реципиент рекламного сообщения с помощью ассонанса – повтора фонемы «e» в названии бренда и семах – акцентирующих объект рекламы (every) посредством ассоциативной перестановки «Estee Lauder – every», получает уверенность в том, что при использовании данной декоративной косметики не будет заметен ни один изъян на его коже: Estee Lauder Every

Shade. **Every** Skintone. You are flawless every hour of the day (Vogue 2018 (12): 37).

Индивидуальность и особенность ювелирных украшений Pandora подчеркиваются использованием ассонанса (повтор фонемы «е»), направленного на экспрессивную оценку рекламного посыла: **Express the essence of you** (Entertainment 2017 (03): 48). Лексема *essence* (basic, real, nature of something, significant individual feature) является ключевой, в то время как глагол *express* с повтором фонемы «е» усиливает ее значение.

Что касается лексико – морфологических средств импликации в рекламном тексте, то следует отметить, что для данного жанра печатной журнальной продукции характерно употребление минимально возможного количества точных, весомых и обоснованных слов с передачей максимального количества базовой маркетинговой информации.

Словообразование как способ привлечения внимания к рекламному тексту является, в частности, одним из самых распространенных способов имплицитирования информации среди лексико - морфологические средств.

Проиллюстрируем использование аффиксации в тексте современной англоязычной рекламы: BRAHMIN **Redefining timeless** style (Men's Health 2015 (07): 57).

В тексте рекламы галантереи для образования прилагательного *timeless* используется суффикс *-less* (without beginning or end, eternal, everlasting, permanent, enduring). Актуализация имплицитной информации, скрытой в данном рекламном тексте, сводится к постоянству рекламируемого бренда в моде. При этом префикс *-re* (again, repetition, withdrawal, backward motion) в составе лексеммы *redefine* определяет противоположный по смысловой структуре аффикс, имплицитующий образ смелого решения в отношении изменения стиля.

Рекламируемая продукция косметики LANCOME обуславливает посыл сообщения, призывающий реципиента изменить свой образ посредством переосмысления процесса использования косметических средств и изменения своего отношения к уходу за кожей. Механизм выявления имплицитной информации представлен префиксом *-re* в слове *reconsider*, направлен на усиление смысловой нагрузки: LANCOME Tempted by a cosmetic procedure? **Reconsider**. DISCOVER OUR VISION OF SKIN PERFECTION (Vogue 2013 (12): 120).

Согласно практическому анализу материала, в качестве лексико-морфологического средства в процессе актуализации скрытых смыслов в рекламе используется словосложение. Как правило, сложные слова акцентируют пропагандируемые особенности рекламируемого объекта. В свою очередь, усиление свойств достигается за счет отдельных характеристик, объединенных в сложном слове. Например, рекламный текст косметики Clinique содержит лексическую единицу *skin - changer*, образованную в результате слияния основ *skin* и *changer*, реализующую смысловое наполнение объекта косметического средства (*skin*) и действие (*change*): Great skin

just got better. Meet our new **skin-changer** (Elle 2010 (02): 85). Образ ценности крема Clinique для реципиента рекламного сообщения акцентирует данное средство в качестве помощи для улучшения кожи.

Использование конверсии как безаффиксного словопроизводства, основанного на изменении парадигмы слова без изменения его внешнего облика, представляет значимость языкового элемента имплицитирования информации: SCIMX **BOSS** IT. It's time to show the gym who's **boss**. Walk in. Tear it up. Walk away (Vogue 2018 (11): 103).

Интенция рекламного сообщения в соответствии с коммуникативными задачами происходит на уровне морфологии, словообразования и синтаксиса. Грамматическая система языка является экспрессивно-прагматическим потенциалом речевого воздействия. Так, например, коммуникативный замысел говорящего обуславливается употреблением грамматических форм и категорий с нарушением языковых норм.

Как показал практический анализ материала, грамматические формы в рекламных текстах, обусловленные использованием видовременных форм, степеней сравнения прилагательных и модальных глаголов, актуализируют имплицитно выраженную информацию и наделяют данные явления новым смысловым наполнением.

В системе видовременных форм категория времени является значимой составляющей. В англоязычных рекламных текстах извлечение имплицитной информации происходит посредством глагольных временных форм, направленных на репрезентацию ситуаций и образов.

Следует отметить, что осмысление непрерывного характера действия и его продолжительности в момент чтения рекламного сообщения акцентируется употреблением видовременной формы настоящего простого времени: Art Shavinc. Evolution **needs** a gentle reminder every morning (Harper's Bazar 2019 (04): 2); Cadillac **Turns** the man of the year into the man (GQ 2018 (01): 57).

Создание исторического, традиционного образа рекламируемого товара или услуги с акцентуацией характеристики качества обусловлено видовременной формой простого прошедшего времени, которая в рекламе вина подчеркивает усиление вербализованного образа традиций семьи, производящей рекламируемое вино: Josh What do you give the man who **taught** you the value of hard work? A labour of love. "My dad **knew** what **mattered** most: spending time with the ones he loved. His name **was** Josh and he **was** my hero. I **made** this wine in his honor. It's big and vibrant but always approachable, like him" (Marie Claire 2019 (04): 27).

В следующих примерах рекламных текстов приобретенные характеристики и подчеркивание завершенности и безвозвратности совершенных действий по отношению к рекламируемому объекту репрезентированы причастием прошедшего времени – *made, perfected*: Visa. The Visa Black Card. **Made** of stainless steel (Elle 2016 (05): 94); Santa Margherita. The moment **perfected** (Harper's Bazar 2019 (04): 2).

Значимая роль в рекламных текстах отводится использованию атрибутивных словосочетаний, состоящих из наречия и прилагательных, в описании рекламируемого товара или услуги. Словосочетания подобного рода представляют собой так называемые слова – катализаторы, которые способны вызывать чувства зависти, желания не искажая свойства рекламируемого продукта. Для прилагательных и наречий характерно создание соответствующей тональности рекламного обращения, в частности, направленной на достижение эффективности коммуникации в описании качеств и достоинств рекламируемой продукции: **Memorable** getaways begin here (Double Tree by Hilton) (Marie Claire 2017 (07): 308); **Extraordinary** Craftsmanship (Vertu) (Men's Health 2016 (11): 75).

Соответственно, использование прилагательных и наречий в качестве дополнительного элемента имплицирования актуализирует разнообразные свойства рекламируемого продукта, включая форму, размеры, качество, стоимость, ощущения, вызываемые данным продуктом, наделяя его экспрессивной оценкой.

Библиографический список

1. Матевосян Л. Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства [Текст] / Л. Б. Матевосян // Филологические науки. - 1996. - № 3. - С. 72 - 79.
2. Овшиева Н. Л. Когнитивная природа восприятия речи [Текст] / Н. Л. Овшиева // Материалы Первой международной школы - семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998. В 2 ч. - Ч. 1. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. - С. 27 - 29.
3. Плохинова А. С. Языковые манипуляции [Текст] / А. С. Плохинова, И. П. Лапинская // Язык, коммуникация и социальная среда. - Вып. 2. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. техн. ун-та, 2002. - С. 178 - 181.

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

Ю. В. Умбражунайте
Е. Н. Соколова

*Студентка,
доктор филологических наук, доцент,
Тюменский государственный
университет,
г. Тюмень, Россия*

Summary. The article is devoted to a comprehensive linguistic description of the structural-semantic features of the anthroponymic space of the Kiev-Pechersk Patericon. A description of the functioning of anthroponyms in the linguocultural aspect.

Keywords: historical onomastics; ancient Russian text; proper name; structural naming models; historical and etymological commentary.

Имена собственные являются самыми древними знаками, которые за весь период своего существования сохранили в себе ценную культурно-историческую информацию.

Исследование имён собственных позволяет обнаружить важную информацию об истории этноса, его духовной культуре, а прежде всего – об истории его языка. Важность научного изучения древнерусских антропонимов обусловлена необходимостью раскрыть историю возникновения и развития, структурно-семантические характеристики и особенности функционирования этого своеобразного пласта лексики, а также исследовать данные языковые единицы с общелингвистической и историко-культурной точек зрения.

Период Киевского государства представляет собой весьма важный этап становления современной антропонимической системы. Для него характерны религиозно-культурные изменения, связанные с принятием православного христианства и функционирование специфического смешанного типа славяно-языческого и христианского мировоззрений, поэтому анализ антропонимического материала, отмеченного в письменных памятниках данного периода, представляется особенно актуальным и значимым.

Ранее изучение системы антропонимов отдельных древнерусских текстов предпринималось такими лингвистами, как Г. К. Валеев, А. Ф. Литвина, И. Н. Милованова, А. А. Молчанов, В. Я. Петрухин, Е. В. Пчелов, С. Роспанд, Е. Н. Соколова, В. Д. Сухомлин, Ф. Б. Успенский, Н. К. Фролов и др. Но «Киево-Печерский патерик» не подвергался комплексному исследованию с точки зрения семантических, структурных и функциональных особенностей антропонимов.

На данный момент особое внимание к изучению антропонимов в лингвокультурологическом плане все более актуализируется. Несмотря на уже проведённые обширные исследования на данную тему, лингвисты стараются как можно подробнее изучить имена собственные и специфику их

функционирования. Это объясняется тем, что антропоним можно рассматривать не только как номинативный знак, но и как культурно значимый символ, свидетельствующий об идентичности индивида и нации в целом.

Лингвокультурологический подход заключается в том, что акцент в изучении антропонимов направляется на культурный компонент значения имени. Так же особое внимание при данном анализе уделяется употреблению и функционированию антропонимов в контексте языковой картины мира, что является особенностью национальной культуры каждого народа.

Имя человека – неотъемлемая составляющая его бытия. Представляя члена социума, антропоним концептуализируется через характеристики и оценки, свойственные человеку, – оно может быть добрым и честным; имя способно выступать эквивалентом награды или другой материальной ценности [1, с. 14].

Большое количество разнообразных имен в нашем мире, безусловно подчеркивает стремление народа подчеркнуть индивидуальность отдельного человека. Из всего множества собственных имён лингвокультурологи выделяют отдельную группу антропонимов, которые хранят в себе культурную информацию и указывают на ценности данной лингвокультуры. К таким антропонимам относятся прецедентные имена.

Прецедентные имена известны большинству представителей определенного народа и представляют собой культурную ценность, а также обладают определенными коннотациями и ассоциациями. К прецедентным именам можно отнести такие имена, как Алёша (ассоциация с Алёшей Поповичем), Илья (ассоциация с Ильей Муромцем), Василиса (ассоциация с Василисой Премудрой). Именно такие имена отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа.

В исследуемом памятнике зафиксировано 152 антропонимические единицы, описание структуры и функций которых заслуживает отдельного научного изучения.

Чаще всего в памятнике встречаются однословные мужские антропонимы различные по своему происхождению, их 96 единиц. Мужские именованья превалируют над женскими в силу традиций патриархата. Из них чаще повторяются церковные имена, а именно Антоний и Феодосий. Также встречаются двухосновные личные некалендарные мужские имена (как правило, княжеские), такие как Всеслав, Святополк, Святослав и др., связанные с традицией «имяславия». Значительное место занимают имена библейских персонажей и церковнослужителей. Однословные мужские антропонимы представлены в тексте только личным именем, отсутствуют именованья прозвищем, а также собирательным именем от отчества. Следует отметить, что в тексте присутствует теоним Бог и его синонимичная форма Господь.

Часто употребляются в тексте и двухсловные мужские антропонимические единицы, их 44. Наиболее активна такая модель именованья, как

личное имя + оттопонимическое прозвание (Иоанъ Черниговский, Маринъ Юрьевский, Стефанъ Владимерьский) и др. Реже встречаются такие модели, как **личное имя + прозвище** (Владимеръ Мономах), **личное имя + титул** (Иисус Христос), **личное имя + патронимическое имя** (Ростислав Всеволодичь), **личное имя + патроним со словом «сын»** (Святослав сын Ярославля) и др.

Трехсловных мужских антропонимических единиц всего 2. Это Владимиръ Всеволодичь Монамах, соответствующее модели – **личное имя + патронимическое имя + прозвище**, и Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеровъ – **личное имя + патроним со словом «сын» + имя деда со словом «внук»**. Употребление трехсловных мужских антропонимических формул, включая имена отца и деда, становится одной из доминантных черт древнерусской родовой традиции, подчеркивающей связь поколений и способствующей идентификации поименованного.

Женских однословных антропонимов гораздо меньше, всего 6 единиц, например: Анастасия, Мария. Присутствуют в патерике 4 двухсловные женские антропонимические единицы с такими моделями именования, как **личное имя + прозвание** (Мария Богородица) и др. Не вызывает сомнений тот факт, что «в древнерусском антропонимиконе преобладают мужские имена. В этом соотношении отражается взгляд древних славян на мир, в котором мужчине отводится ведущая роль. «Памятники письменности эпохи Киевской Руси фиксируют женские имена редко, их удельный вес не превышает 5 %» [2, с. 18].

В Киево-Печерском патерике преобладают мужские однословные и двухсловные личные именования. Христианство принесло имена, канонизированные православной церковью, – это имена «святых» первых веков христианства, происходящие из древнегреческого, латинского, древнееврейского и других языков. Представители княжеской династии именуются в большинстве своем языческими именами: Всеславъ, Святославъ, Ярополкъ, собирательными отчествами: Изяславичи; но отмечаются и христианские: Василий, Георгий. В исследуемом тексте, как и следовало ожидать, число женских личных календарных имен невелико: Анастасия, Мария и нек. др. Встречаются имена иноязычного происхождения и антропонимы с не всегда ясной семантикой.

В тексте реализуется традиционная система именования эпохи Киевской Руси. Памятники письменности свидетельствуют о социальном расхождении антропонимии: выделились имена правящей верхушки, среди которых имена скандинавского происхождения (Олег, Игорь и др.). Но особенно характерны княжеские двухосновные, в качестве их второго компонента наиболее часты -слав, -мир (Святослав, Владимир). Эта традиция получила название «имяславие».

Важность исследования древнейших личных собственных имен обусловлена их особым статусом в контексте становления языка и культуры. Являясь уникальной знаковой системой, древнерусские онимы позволяют

реконструировать основные этапы формирования современного русского антропонимикона.

Библиографический список

1. Бойко Л. Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 2. – С. 13-21.
2. Гвоздева Е. Л. Способы идентификации лица в великорусской письменности // Вузовская русистика. – Ишим, 2000. – С. 18-21.
3. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945> (дата обращения: 11.05.2020)

II. «THE INNER WORLD» OF LITERARY WRITINGS

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Н. А. Саханская
С. Ф. Желобцова

*Студентка,
кандидат филологических наук,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. This article observes special metaphoric style in stories written by Tatyana Tolstaya based on analysis poetics artistic text. Here considering texts of 80's years of XX century, in which especially expressively showing up writer's style, features her artistic individuality. Complex of chosen stories continues to stay for wide circle of persons more demanded in "new-reading texts" area and "opening esthetics world" of writer in Russian literature our days.

Keywords: metaphorical style; tatyana tolstaya; writer's style; poetics; book and reader; modern Russian literature.

Актуальность темы статьи связана с художественной индивидуальностью лидера, а затем и классика современной прозы России. Широкой читательской и зрительской аудитории, литературной критике известны ее проза, публицистика, телепроект «Школа злословия», литературное ток-шоу на канале ВГТРК «Культура». Произведения Т. Толстой переведены на многие языки мира и публиковались в российских и зарубежных изданиях. На сайте «рейтинги7я.ру» произведения Татьяны Толстой оценены по пятибалльной системе отзывов читателей на 5 [4].

Эстетический манифест Т. Толстой строится на традициях русской классической литературы и креативном синтезе реализма, модернизма и постмодернизма, что сделало ее первый сборник рассказов «На золотом крыльце сидели» книжным бестселлером 80-х годов. Известно, что она стала автором русской «женской» прозы, с ее гендерной проблематикой и феминистскими идеями, а также создателем антиутопического романа «Кысь», воссоздавшего апокалиптическую панораму Москвы после ядерного взрыва.

Анализ рассказов («Чистый лист», «Милая Шура», «Самая любимая», «Круг»), хронологически написанных автором в период с 1984 по 1987 год, позволяет выделить детали, подробности, штрихи, из которых формируется узнаваемый стиль Т. Толстой. Теоретическим посылом является каноническая концепция о доминанте в метафорическом стиле экс-

прессивности образов, выразительности лексики, наполненных художническим контентом. Писатель Фазиль Искандер так охарактеризовал языковое богатство ее прозы: «Т. Толстая пишет сочным, сильным, точным языком» [1, с. 5].

В сюжете рассказа «Самая любимая» есть описание женской одежды учительницы русского языка и литературы, ассоциирующее с суровым солдатским бельем, крепкие полотнища которого напоминают чистые белые листы бумаги. Татьяна Толстая использует метафору для того, чтобы подчеркнуть, что у героини была «честная, трудовая, с пользой прожитая жизнь» [5, с. 158]. Следует отметить влияние традиций русской классики в звучании имени Евгения в уменьшительно-ласкательной форме Женечка. В другом рассказе «Соня», сюжет которого строится на истории безответной любви героини к выдуманному герою в период блокады Ленинграда, прозаик называет ее Сонечкой, что становится устойчивой стилевой чертой Т. Толстой.

Портретная характеристика героини рассказа «Милая Шура» («Черное одеяние, светлая шляпа, побрякивающая мертвыми фруктами, скрываются за углом» [5, с. 40]) метафорически реинтерпретирует жизнь Александры Эрнестовны на этапе ее старческого одиночества. Другими стилеобразующими деталями в тексте становятся пожелтевшие письма, ветхий альбом с высохшими цветами между страницами. Авторское видение жизненных обстоятельств концентрируется в финале произведения, когда героиню называют милой Шурой, естественно вписывающейся в картины прошлого, где она молода, голубоглаза и легка.

Стилеобразующим в прозе Т. Толстой нередко является цвет, например голубой в поэтике рассказа «Круг». Изольда как обладательница («голубое от холода лицо» [5, с. 54], и «голубоватое личико» [5, с. 55], и «голубые руки» [5, с. 57]) воспринимается Василием Михайловичем как мечта, символизирующая нежность «диковинной серебряной птицы» [5, с. 58] в апреле. Композиционно метафорический авторский этюд покоя, красоты и гармонии вступает в конфликтный контраст с реальностью.

Интересен топонимический ряд в малой прозе Т. Толстой, умеющей убедить своего читателя в том, что хромая и почти глухая Женечка, имя которой переводится с греческого как «благородная», вырастила вечный сад. А имя Александры Эрнестовны восходит к греческому «мужественная» и встреча с рассказчицей происходит у Никитских Ворот в коммуналке, где они беседуют о вечной любви. Продолжает этот ряд историко-документальная расшифровка имени Изольда, когда во времена освоения полярниками Арктики и Севера девочек стали называть словосочетанием «изо льда».

Татьяне Толстой свойственно создавать «свой» текст внутри художественного текста, например, в рассказе «Чистый лист» горькие размышления Игнатьева о болезни ребенка, несостоявшейся жизни вкладываются в авторский монолог: «Тоска взмахнула рукавом – расстелила бескрайнюю

каменистую пустыню – иней блестит на холодной скалистой равнине, равнодушно застыли звезды, равнодушно чертит круги белая луна, печально звякает уздечка мерно ступающего верблюда, – приближается всадник, закутанный в полосатую бухарскую промерзшую ткань» [5, с. 169].

Нельзя не отметить, что в литературной критике присутствует дискуссия о перегруженности произведений метафорическим содержанием, но, на наш взгляд, Татьяна Толстая находится на стратегически функциональном пути поисков новых изобразительных средств современной литературы.

Только благодаря такому редкому умению красиво и метафорически представить бытовой мир читателю и проявляется особая привлекательность и, стилистическое своеобразие прозы Т. Толстой 1980-х годов. Таким образом, на примере творчества Т. Н. Толстой, нам удалось выяснить, что метафорический стиль создается не одной лишь метафорой, а всеми средствами художественной изобразительности.

Библиографический список

1. Искандер Ф. А. Поэзия грусти // Литературная газета. 1987. 26 авг. С. 5.
2. Невзглядова Е. Эта прекрасная жизнь: о рассказах Татьяны Толстой // Аврора. 1996. № 10. С. 111-120.
3. Ольшанский Д. Спасибо нам. «День» – эссеистический сборник Т. Толстой // Независимая газета. 2001. 2 авг. С. 7.
4. Ссылка на писательский рейтинг Т.Н. Толстой [Электронный ресурс]. URL: <https://ratings.7ya.ru/books/author.aspx?aid=1020>.
5. Толстая Т. Н. Река Оккервиль: рассказы. М.: Изд. дом «Подкова», 2005. 464 с.
6. Фролова Т. Г. Рассказы Т. Н. Толстой. К проблеме метафорического стиля // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Е. В. Чепкасов

*Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. «Artistic reality» is a term associated with the process of artistic comprehension, the creative transformation by the author of primary reality. One of the features of artistic reality is the presence of fiction. The article summarizes the views of Russian literary scholars on this problem.

Keywords: Evgeniy Chepkasov; artistic reality; fiction; Russian literary scholar.

«Художественная реальность» и «художественный мир» – синонимичные термины, напрямую связанные с процессом художественного осмысления, творческого преобразования автором первичной внелитера-

турной реальности. Но сначала определимся с вариантами термина «художественная реальность» и с его значением.

По верному замечанию А. Б. Есина, наиболее часто употребляются термины «художественная реальность» [4, с. 11; 14, с. 466; 11, с. 111; 2, с. 46 и т. д.] и «художественный мир» [12, с. 250; 10, с. 14; 11, с. 95; 2, с. 47 и т. д.]. Для обозначения того же понятия употребляются термины «мир произведения» [16, с. 192], «внутренний мир художественного произведения» [6, с. 98], «внутритекстовая действительность» [8, с. 11], «художественно-образная модель жизни» [5, с. 276], «искусственная реальность» [10, с. 13], «изображенный мир» [4, с. 75], «представленная действительность» и «представленный мир» [7, с. 141, 162]. Антонимами этих терминов служат следующие: «реальная действительность» [9, с. 182; 17, с. 140], «реальность» и «действительная жизнь» [16, с. 198, 202], «внелитературная действительность» [7, с. 162], «мир действительности» [6, с. 98], «действительность» [2, с. 46; 12, с. 253; 6, с. 100], «жизнь» [5, с. 276; 9, с. 183], «вне-текстовая действительность» [8, с. 11], «внетекстовая реальность» [1, с. 22], «первичная реальность» и «жизненная реальность» [4, с. 11, 12], «реальный мир» [6, с. 101; 16, с. 192; 4, с. 75]. В нашей работе будут использованы синонимичные термины «художественная реальность» и «художественный мир», а антонимами для них послужат понятия «внелитературная реальность», «реальная жизнь» и «действительность». Следует заметить, что употребление «художественной реальности» и «художественного мира» как опорной синонимической пары уже имеет прецеденты в научных работах – примером этого может служить замечательная статья Ю. Б. Борева и З. Г. Андреевой, опубликованная еще в 1988 г., под названием «Художественная реальность в ее отношении к действительности и к читателю» [см. 2, с. 46–60].

Теперь дадим определение художественной реальности и перечислим ее компоненты. Художественная реальность создается авторским воображением и представляет собой единую в плане эстетического восприятия картину мира и человека. Она образует систему, так или иначе соотносимую с миром реальным: в нее входят люди с их внешними и внутренними (психологическими) особенностями, события, природа (живая и неживая), вещи, созданные человеком, в нем есть время и пространство [см. 16, с. 192; 11, с. 95; 4, с. 12].

Главной особенностью художественной реальности является творческий вымысел, присутствие которого неизбежно по той причине, что «художественная реальность пронизана авторской художественной концепцией мира и личности, подчинена этой концепции и является ее образным пластическим воплощением» [2, с. 46]. В идеале (степень достижимости которого зависит от даровитости автора) «на уровне готовой целостности произведения художественный мир предстает как завершенная, устойчивая система отношений всех элементов, как завершенный универсальный по-

рядок, как космос, противостоящий хаосу незавершенной, отрывочной действительности» [12, с. 250].

Здесь необходимо дать понятие о художественном преобразовании действительности, роли писательского вымысла в этом преобразовании и связанных с данным обстоятельством «разночтениях» между жизненной реальностью и художественным миром. Л. В. Чернец пишет, что литературное произведение – «это всегда *условный*, создаваемый с помощью *вымысла* мир, хотя его «строительным материалом» служит реальность» [16, с. 198]. Е. С. Добин, полемизируя с литературоведами-натуралистами, писал, что «в прошлые годы нередко «отлучали» условность от реализма. Условность – необходимая сторона искусства. Она продиктована самой его сущностью» [3, с. 275]. Сущность же эта состоит в том, что «литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или расширяет, делает их более красочными или более блеклыми, стилистически их организует, но при этом, как уже было сказано, создает собственную систему, систему внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями» [6, с. 100–101]. Эта система и называется художественной реальностью, или художественным миром.

Но продолжим разговор о вымысле как главной черте, отличающей художественное произведение от нехудожественного. Г. Маркевичем «под литературным вымыслом понимается представленная действительность, определяемая предложениями, которые с предполагаемой точки зрения автора не являются ни истинными суждениями, ни глубоко обоснованными гипотезами и имеют неассерторический характер (последнее означает, что они вообще не являются суждениями и не выражают убеждений автора), а следовательно, не могут рассматриваться как ложные суждения или необоснованные гипотезы» [7, с. 141]. Эта точка зрения представляется весьма спорной, поскольку, уводя автора от ответственности за написанное, она заодно и лишает писателя права высказывать в художественной форме свои убеждения. Во-первых, нельзя лишать автора ответственности за написанное: «ответственность художника двоякая: во-первых – перед искусством, во-вторых – перед жизнью» [15, с. 68]. Во-вторых, нам кажется, что нет нужды говорить о художественном творчестве в категориях «ложные суждения» или «необоснованные гипотезы». К тому же, обоснование происходящего в художественной реальности, называемое художественной мотивировкой, всегда имеет место: «перед писателем стоит задача оправдать каждое положение в рассказе, доказать его допустимость в произведении. Такие приемы оправдания отдельных положений называются *мотивировкой*» [13, с. 83].

Как бы то ни было, «понятие художественного вымысла проясняет границы (порой весьма расплывчатые) между произведениями, притязающими на то, чтобы быть искусством, и документально-информационными» [15, с. 94]. Именно это различие и позволяет нам вплотную подойти к авторской позиции по тем или иным вопросам. Ведь «изображаемый в худо-

жественном тексте мир соотносится с действительностью лишь опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора» [8, с. 11].

Полагаем, что обзор трудов отечественных литературоведов, касающихся вопроса художественной реальности, можно на этом завершить, поставив многоточие.

Библиографический список

1. Баршт К.А. Русское литературоведение XX в. – Ч. 1. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – 336 с.
2. Боров Ю.Б., Андреева З.Г. Художественная реальность в ее отношении к действительности и к читателю // Методология анализа литературных произведений / Отв. ред. Боров Ю.Б. – М.: Наука, 1988. – С. 46-60.
3. Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. – Л.: Советский писатель, 1989. – 432 с.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 247 с.
5. Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. – 766 с.
6. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Введение в литературоведение. Хрестоматия / Под ред. Николаева П.А. – М.: Высшая школа, 1997. – С. 97-101.
7. Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе. – М.: Прогресс, 1980. – 376 с.
8. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 254 с.
9. Петров С.М. Критический реализм. – М.: Высшая школа, 1980. – 359 с.
10. Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая Школа: «Академия», 1999. – С. 11-21.
11. Рощина О.С. Введение в литературоведение. – Новосибирск: НГПУ, 2002. – 177 с.
12. Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 159 с.
13. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 333 с.
14. Тюпа В.И. Художественность // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая Школа: «Академия», 1999. – С. 463-485.
15. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.
16. Чернец Л.В. Мир произведения // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая Школа: «Академия», 1999. – С. 191-202.
17. Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. Новиков В.И., Шкловский Е.А. – М.: Педагогика-Пресс, 1998. – 424 с.

III. INTERPRETATION OF THE MEANING OF FICTIONAL TEXT

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИССОНАНТНЫХ СИТУАЦИЙ (на материале англоязычной прозы)

Т. В. Дроздова

*Кандидат филологических наук,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

Summary. The article deals with the peculiarities of the representation of the cognitive dissonance situations in a piece of literary work. In a number of cases, this is a process of "playing" with denotative and connotative meanings, implemented at the linguocognitive level and often having a special stylistic coloring. It should be noted that such a technique can be used by the author as one of the devices to create character's speech characteristics.

Keywords: cognitive dissonance; literary work; character's speech characteristics; stylistic device; stylistic effect.

Под термином когнитивный диссонанс понимается любое несоответствие между когнициями, т. е. между любыми знаниями, мнениями или убеждениями, относящимися к окружению, кому-либо или чьему-либо поведению. Появление диссонанса, являясь психологически дискомфортным, заставляет человека осуществить попытку нейтрализовать его и добиться консонанса – соответствия когниций. Вместе с тем, при наличии диссонанса человек, как правило, активно избегает ситуаций и информации, которые могут привести к возрастанию когнитивного дискомфорта [2].

Исследователями выделяются четыре вида ситуаций, в которых может реализовываться диссонанс: логическое несоответствие, несоответствие культурным образцам, несоответствие данного когнитивного элемента более общей, более широкой системе когниции, также несоответствие прошлому опыту [1], [2].

Обращаясь к реализации данных явлений на уровне речи, представляется необходимым рассмотреть конкретный текстовый материал:

From her immediate family to Denton's: Gwen filled in some of Maud's background. She described the Italian princeling, Maud's Monte Carlo life. She approached the advent of Sir Montague Stern, said perhaps too much, and halted. This was not, she realized, a topic to discuss with a girl. Constance smiled.

'Oh, you need not be delicate. I am not a child now. I know Stern is Aunt Maud's, lover. Why shouldn't he be? He is younger than Maud, of course, but such a clever generous man...'

Gwen was shocked at first. The word 'lover' was unexpected. She might have preferred some more decorous term - protector perhaps. But Gwen was not staid; she had a sense of humour, and Constance was now looking at her in such a way, amused, slightly conspiratorial... Times were changing. Gwen was tempted to go on [3].

Данный эпизод представляет собой беседу Констанс, девочки-подростка, и Гвен, одной из ее бесчисленных тетушек. Ключевой единицей данного высказывания является лексема «lover». Получателем сообщения в данном случае является Гвен, которая воспринимает и адекватно интерпретирует значение языковой единицы «lover – a partner in a sexual relationship outside marriage» [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 1998: 699]. При этом адресат, пытаясь направить интерпретационный процесс ребенка в русло, более соответствующее морально-этическим нормам с точки зрения возраста собеседника-ребенка, прибегает к псевдономинации, антифразису (эвфемизму), заменяя лексему «lover» на «protector», расширяя, таким образом, концептуальную сферу данной языковой единицы. На собственно языковом уровне имеет место процесс номинации с более общим смыслом.

Из дальнейшего контекста становится ясно, что в реальности между собеседниками достигается полное понимание, в то время как на уровне собственно лингвистическом подобие диссонанса фактически создается искусственно, вследствие необходимости соблюдения социально-культурных норм.

В словесно-художественной ткани произведения данная ситуация играет ключевую роль с точки зрения идеи о смене поколений, что подтверждается фразой, следующей за речью персонажей: «Times were changing. Gwen was tempted to go on».

Таким образом, введение эвфемистического оборота на уровне языковой репрезентации позволяет выдвинуть предположение о существовании так называемого «псевдодиссонанса», обусловленного спецификой употребления языковых единиц вследствие существования определенных социально-культурных норм.

Таким образом, степень проявления диссонантных и псевдодиссонантных отношений между коммуникантами может быть различной, в зависимости от конкретных как собственно лингвистических, так и экстралингвистических условий коммуникации. Явление «псевдодиссонанса» рассмотренное нами, может квалифицироваться как особый риторический прием, который возникает в результате следования определенным социально-культурным нормам, а также в силу индивидуальных эмоционально-оценочных характеристик коммуникантов, реализуемый при помощи целого ряда языковых средств, репрезентирующих ментальные процессы эвфе-

мизации, метафорического понимания и толкования. В целом ряде случаев это процесс «игры» на денотативных и конотативных значениях, реализуемый на лингвокогнитивном уровне и часто имеющий особую стилистическую окраску.

Следует отметить, что подобный прием может быть использован автором литературно-художественного произведения в качестве одной из особенностей речевой характеристики персонажа, а, именно, как особый способ создания стилистического эффекта в плане анализа речевой характеристики литературно-художественного персонажа.

Библиографический список

1. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы/ Э. Аронсон// Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 111- 126.
2. Фестингер Л. Введение в теорию когнитивного диссонанса/ Л. Фестингер// Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 97- 110.
3. Beauman S. Dark Angel URL: https://bookfrom.net/sally-beauman/67071-dark_angel.html (дата обращения: 07.05.2020).

АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: РУССКИЙ РОМАН XXI ВЕКА

А. Н. Манчев

*Докторант,
Софийский университет
им.Св. Климента Охридского,
г. София, Болгария*

Summary. This article focuses on understanding the novel as a vademecum of modern man. The mission of the novel is to reveal the secret of a person's self. The novel's image of the inner world of the individual and the circles of his social connections is an invariant of the novel. In this context, the article analyzes two Russian novels of the XXI century on the crime and repentance of the main characters, on internal personal law.

Keywords: 21st Century Novel; aspects of analysis; personality; environment; personality history; personal responsibility.

Изучение русского языка иностранцами, а также определение уровней знания языка – это сложившаяся система. Нам представляется, что сверхуровневым знанием русского языка является умение прочитать на русском языке художественный текст русского писателя XXI века и уметь дать интерпретацию художественного текста произведения на русском языке.

Для тех, у кого русский язык – родной, уровень культуры читателя, студента, учащегося, можно определять умением прочитать художественный текст современного автора на «современном русском языке», проанализировать его и дать ему художественную интерпретацию.

В связи с вышеизложенным возникает проблема: как читателю, кто бы он ни был (филолог, обыкновенный читатель, студент) помочь найти главные аспекты анализа художественного текста, например современного русского романа, так как ярким и пёстрым представляется калейдоскоп авторских находок в русском романе XXI века.

Рассмотрим некоторые литературные исследования, которые помогут нам выделить характерные особенности романного жанра и аспекты анализа художественного текста.

В XXI веке в болгарском литературоведении появилось исследование С. Хаджикосева «Что такое роман?». Автор подчёркивает, что роман в третьем тысячелетии как жанр занимает лидирующее положение в литературе. Однако, автор пишет, что «дефиниция романа подобна квадратуре круга – она всегда ускользает от точного решения как бы старательно ни стремились к нему» [1, с. 8]. Однако, с долей иронии С. Хаджикосев подчёркивает, что роман не страдает от того, что невозможно точно дать ему определение как явлению, и при этом роман – *vademecum* современного человека.

В своём исследовании С. Хаджикосев проводит параллель между Д. Лукачем и М. Бахтиным как наиболее значимыми исследователями романа. Автор акцентирует на триаде авторитетных исследователей романа – Гегель, Лукач и Бахтин.

В XX веке русский философ М. Бахтин построил свою историческую типологию романа. В своём труде «Роман воспитания и его значение в истории реализма» М. Бахтин предпринимает попытку классификации романа «по принципу построения образа главного героя». Однако М. Бахтин подчёркивает, что ни одна из разновидностей романного жанра не представлена в чистом виде, но «характеризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя. Так как ... определённый принцип оформления героя связан с определённым типом сюжета, концепцией мира, с определённой композицией романа» [2].

Размышления о романе специфическим образом отражены в книге М. Кундеры «*Art du roman*», изданной в Болгарии в 2007 году. Она представляет собой опыт исследования романа, при этом автор считает роман прежде всего словесным искусством, называя свою книгу «Искусство романа». В книге приведены диалоги М. Кундеры как автора романов с К. Сальмоном. Вопрос, заданный К. Сальмоном, звучит так: «разве не все романы являются психологическими по определению?». На этот вопрос М. Кундера отвечает: «Скажем ещё точнее: все романы всех времён раскрывают тайну «я». Как только вы создаёте некое воображаемое существо, персонаж, вы обязательно сталкиваетесь с проблемой: что такое «я»? Как это «я» можно осознать? Это один из тех фундаментальных вопросов, на которых и основан роман как таковой» [3, с. 31]. Писатель также подчёркивает, что можно чётко выявить различные тенденции в различные периоды в истории романа именно отвечая на этот вопрос – «я?». М. Кундера

считает, что благодаря поступкам, которые отражены в сюжете, человек становится отличным от других и становится личностью.

В XXI веке особое место занимают исследования М. Звягиной. В её монографии «Жанровые трансформации в русской прозе второй половины XX – начала XXI века» значительное место занимает роман как сверхжанровое образование. «Жанровая установка на изображение внутреннего мира личности в противоречии с внешними обстоятельствами», остаётся доминантой романного творчества. Таким образом, несмотря на романские модификации в современной жанровой системе, остаётся инвариантом романа – интерес к личности и её взаимоотношениям с социумом [4].

В своих исследованиях последнего десятилетия А. Эсалнек проводит анализ романного текста, систематизируя взгляды и суждения виднейших исследователей в этой области. Учитывая опыт исследователей прошлых веков, а также обобщая современные исследования, А. Эсалнек констатирует, что наиболее характерной для романа является «оппозиция личность – общество». В связи с этим А. Эсалнек подчёркивает, что роман как жанр ассоциируется с интересом к личности и её самосознанию, также, кругам её социальных связей, к внутреннему и внешнему конфликтному началу.

Литературовед А. Эсалнек обобщает, что европейский роман начала XX века наследовал сложившиеся ведущие качества романного жанра. «Основным компонентом „наследства“ явилось внимание к герою как личности, к её внутреннему миру и отношениям с обществом» [5, с. 86]. А. Эсалнек подчёркивает, что необходимо понимание личности с точки зрения психологии, социологии – для понимания внутреннего мира личности и её многоаспектности.

Можно сделать вывод по исследованиям М. Звягиной и А. Эсалнек, что инвариантом романа XIX века является оппозиция «личность-общество», а инвариантом романа XX века – оппозиция «личность-мир». Нам представляется, что инвариантом романа XXI века является формула «история личности – над историей общества».

Образно можно сказать, что анализ художественного текста романа XXI века представляет собой пирамиду, где вершина – это личность, а в основании пирамиды – микросреда и макросреда.

В итоге можно выделить следующие подходы к анализу романного текста:

1. Аналитический подход к исследованию современного романа представляет собой триаду: личность (главный герой) – микросреда – макросреда и где соответственно, понятие «макросреда» включает в себя и время, место событий, эстетико-нравственное, политическое состояние общества.

2. Калейдоскоп романских феноменов русскоязычных авторов настолько ярок, что рассуждать о романе XXI века можно только на базе единства творчества и уникальности каждого из авторов.

Нам представляется, что аспектами анализа художественного текста романа являются прежде всего личность, её внутренний мир, роль микро-среды и макросреды в её становлении и её бытии.

Особого внимания в плане изучения особенностей русского романа XXI века, по нашему мнению, заслуживают два романа: «Авиатор» Е. Водолазкина и «Текст» Д. Глуховского. *Эти новейшие произведения ещё не переживут разные уровни восприятия, разные трактовки содержания, главных образов и смыслов.* Нами предлагается наш вариант прочтения двух романов, вышедших из печати с интервалом в несколько месяцев, на основании аналитического подхода: личность, микросреда, макросреда.

Композиционная структура романа XXI века «Авиатор» подчинена, по нашему мнению, концепции автора Е. Водолазкина о центральной роли персональной ответственности каждой личности перед собой и обществом. Главный герой романа Иннокентий входит в оппозицию в трактовке истории, пытаясь ещё и ещё раз переосмыслить: почему произошла революция, и что же случилось со всеми непосредственно после революции. Центральный персонаж романа Иннокентий изображён автором романа ярко, а его счастливое детство – импрессионистично. Иннокентий проходит трудный путь от начала романа до его конца в осознании времени, в котором он жил и осознании недопустимости совершения преступления человеком. Иннокентий вырос в благополучной, счастливой семье любимым сыном и внуком. Микросреда – семья, сформировала интеллигентного, воспитанного человека. В романе автор с любовью описывает детские годы Иннокентия, а сам Иннокентий определяет их как счастье: «собственно повседневность и есть счастье – ходить куда хочешь, читать что хочешь ... наконец, просто жить» [6, с. 221]. Макросредой для Иннокентия был Санкт-Петербург с его уникальной интеллигенцией, духовностью, архитектурой и атмосферой, где личность стремилась к возвышенному.

Однако, главный герой потрясён событиями, приведшими к коренному изменению макросреды. Окружающая его действительность после революции 1917 года стремительно изменилась. Отца Иннокентия убили на улице в послереволюционный период разгула преступности. Пролетарский стиль мышления и поведения, господство рабочего класса были неприемлемы для потомственного интеллигента – студента Иннокентия. Однако, оценивая макросреду того времени, думая о природе исторических катаклизмов – революций, войн – Иннокентий утверждает: «Потому что для многих существуют только внешние законы. А внутренних у них нет» [6, с. 47].

Автор романа словами своего главного героя Иннокентия выражает мнение, что личная ответственность, неограниченная ответственность каждой личности и есть основа стабильности и нравственности общества – государства (макросреды). «Всё дело в личной ответственности. Личной. Персональной. Когда её нет, нужны какие-то внешние меры воздействия» [6, с. 323]. Иннокентий однако, осознаёт всё это значительно позже, после

того, как совершает преступление – убийство. На отца его любимой девушки Анастасии был написан донос, в результате чего отец Анастасии был расстрелян. Любовь к Анастасии и желание отомстить доносчику было мотивом преступления, совершённого Иннокентием.

Автор романа «Авиатор» из библейского сюжета приводит Лазаря, который был воскрешён и отправлен на землю. Может быть, думает Иннокентий, Бог вернул на землю Лазаря потому что на нём был тяжкий грех и его надо было исправить? После своего своеобразного воскрешения Иннокентий всё время думает о совершённом им преступлении. Он рассуждает об уникальности каждой человеческой жизни и о том, что нельзя убивать – лишать жизни другого человека. Крайне важным в романе является то, что персонаж Иннокентий простил доносчика и придя к нему на могилу, сам просит у него прощения.

Получив страшное наказание за убийство – нечеловеческие условия жизни в лагере, – Иннокентий не раскаивается. А вернувшись снова на землю, как Лазарь, переосмыслив своё прошлое, главный герой осознаёт совершённый им грех, раскаивается и просит прощения. Автор использует гиперболизацию и показывает, что понадобилось 80 лет для осознания преступления и полного раскаяния Иннокентия. Нельзя оправдать преступление тем, что страна изменилась или народ изменился, главное – это персональная ответственность, считает Иннокентий. Долгий путь от счастливого детства (микросреда) через жизнь в тяжёлые времена для России (макросреда) через совершённое преступление и раскаяние, главный герой Иннокентий приходит к выводу, что главное в мире – это личность, её история, её персональная ответственность, её «внутренние» нравственные законы. В соответствии с концепцией автора романа Е. Водолазкина, по нашему мнению, роман «Авиатор» можно назвать романом воспитания.

Второй роман XXI века, совсем непохожий на рассмотренный выше – это «Текст» Д. Глуховского. В романе два центральных персонажа – Илья и Пётр. Оба совершают преступления, при том, что микросреда их сделала очень разными в нравственном отношении. Пётр вырос в хорошей, благополучной на первый взгляд семье (микросреда). Однако, папа-генерал учил Петра агрессивности, бескомпромиссности, безнравственности, под девизом «либо ты, либо тебя». Чтобы заслужить очередное повышение по службе, Пётр сажает в тюрьму невинного человека – Илью и при этом отец Петра знает об этом и поощряет совершённое сыном преступление. Автор романа также подспудно обвиняет и макросреду – общество, место работы Петра, историческое время, в котором допускается наличие должностного преступления стражей правопорядка в виде торговли наркотиками и, ещё страшнее – подбрасывание наркотиков избранным жертвам с целью их ареста для хороших статистических показателей раскрываемости преступлений. Макросреда и микросреда сделали из Петра того, кем он стал.

Персонаж Илья вырос в скромной и порядочной семье учительницы русского языка и литературы. Микросреда, в которой приоритет нравственных поступков был основой воспитания, привёл к становлению честной и нравственной личности. Макросредой для Ильи была Москва, в которой слились красивое место и счастливое время. «Илья обожал её и раньше ... Москва и сама была от себя пьяная, и всех своим хмелем угощала ... Но Москва стояла надёжно. Она была взаправду и навсегда» [7, с. 10]. «...закатят солнце – становится Москва лучшим городом планеты. Москва – сама по себе светило, ей звёзды не нужны» [7, с. 32]. Сам город Москва возвышал человека, его многовековая культура и архитектура устремляли человека к идеалу. Персонаж Илья был студентом филфака МГУ, эта макросреда сформировала определённый «кодекс чести», ценностную систему личности. «Невольник чести» Илья вступился за честь своей девушки – за что и поплатился. Персонаж Пётр подбросил ему наркотики, персонажа Илью осудили и отправили в тюрьму на семь лет. Пробыв в тюрьме, Илья находился, по его словам, в зазеркальном отражении Москвы. Жизнь в этом страшном зазеркалье не привела Илью к негативной трансформации сознания и ценностной системы, не сломила стержень, выстроенный в семье (микросреде). В день возвращения Ильи после отбывания срока умирает его мама – сердце не выдержало, не дождалась сына. Любовь к матери и желание отомстить за то, что не смог с ней встретиться, является мотивом преступления – Илья убивает Петра. В дальнейшем продолжении романа, рассуждая о себе, Илья говорит: «Раскаяния в том, что убил, не было тоже. Не горчило от греха» [7, с. 61]. Однако, его мучает вопрос: «А как тогда за то, что убил человека, матери отвечать?» [7, с. 89]. И всё-таки, воспитанный в микросреде и макросреде Илья пытается найти оправдание и прощение своему преступлению: «Набрал Богу. Постоял. Послушал у себя в груди. Никто не отвечал. Связи не было. Или, может, у него тоже режим „не беспокоить“ включён был. Вроде всё правильно сделал, а всё равно – в ад» [7, с. 125].

Илья сделал своеобразное воскрешение Петра, используя его мобильный телефон с контактами, фото, видео, аудиозаписями, электронными письмами, СМС и др. Изучая информацию с мобильного телефона «воскрешённого» Петра, Илья делает вывод: в той микросреде и макросреде, в которой находился Пётр, он и стал безнравственной и преступной личностью, с которой столкнулся Илья в жизни. Другим, по мнению Ильи, Пётр стать и не мог. В своём последнем письме к Петру его мама даёт понять, что сын погряз в грязных делах и грехах и подспудно пытается подвести Петра к раскаянию. Она пишет: «...что святой дальше лейтенанта в милиции не поднимется. Но когда у тебя будут твои дети, ты поймёшь, что им нельзя всю правду сразу говорить про то, как устроен мир...» [7, с. 165]. Мама Петра с большим опозданием начала думать о воспитании сына, когда уже было поздно. «Чтобы человек по-настоящему раскаялся, он должен почувствовать точно то же и так же как тот, кому он навредил,

но это сложно и долго, это и называется воспитанием» [7, с. 166]. Прочитав переписку матери и сына, их диалоги, Илья понимает, что микросреда и макросреда сделали из Петра предателя, предавшего даже собственного отца, негодая, для которого нет ничего святого, в конечном счёте – преступника. Илья, понимал, что у Петра не воспитали нравственность, человечность, ответственность; и этим пониманием совершенно своеобразным образом Илья прощает Петра за свои потерянные семь лет жизни, за сломанную жизнь. «Я вот был в церкви на днях, там глухо, но грехи-то за нами есть, как считаешь, я вот грешник получаюсь, но и ты грешник, а кто нам отпустит тогда? ... Мы с тобой только друг другу можем тут помочь, ты мне, я тебе. Я тебя понял вот, ну и ты меня тоже пойми» [7, с. 241].

Главный герой романа Илья часто беседует мысленно со своей мамой и снова ищет оправдание: «...никакого штрафа ему, это уж только я сам у него (Петра) оплату потребовал, а не государство и не Бог, и что, ты считаешь, я не в своём праве был с него спросить?» и продолжает видимо, отвечая матери: «Почему обязательно в ад-то?!» [7, с. 257].

После совершённого убийства Илья оформил себе паспорт и хотел бежать за границу. Это у него бы получилось. Он так и говорит: «...только самому выпутаться и сбежать, чтобы уйти от наказания, которое заслужил» [7, с. 276]. Илья понимает, что совершил преступление, что его ждёт наказание, которое он, по его мнению, заслужил.

Он мысленно говорит маме: «Я думал, что убивать не страшно, а оказывается, убивая других, убиваешь себя» [7, с. 315]. Главный герой Илья очевидно, раскаивается и желает искупить свой грех. Перед ним стоит нравственный выбор: спасти свою жизнь и себя или спасти жизнь ребёнка Петра. Воспитание и микросреда, где воспитывался Илья, сыграли свою роль: Илья – это личность, он спасает ребёнка, погубив себя. Макросреда, любимая им Москва, способствовали становлению Ильи как достойной личности, а, как считает герой Е. Водолазкина Иннокентий, главное – это персональная ответственность личности.

События и факты жизни героев двух романов подвели к нравственно-философскому итогу. Нам представляется, что два совершенно разных романа напоминают читателю о простых нравственно-философских истинах: нельзя совершать преступления, нужно иметь собственные внутренние законы, человеческая жизнь – самое ценное на Земле.

В переживаниях центральных персонажей двух романов – Иннокентия, Ильи, Петра – авторы формируют дискурс относительно ценностной системы современного молодого человека. Личность и её персональная ответственность, уникальность жизни каждого человека и его священного права на жизнь – это и есть, по нашему мнению, лейтмотив двух разных романов о преступлении и наказании. Это же и определяет концепцию романов в контексте их соотношения с канонами романа воспитания.

Подходя к анализу новейшего романа в триаде личность-микросреда-макросреда преподаватель, учащийся, студент и просто читатель смогут

заглянуть в творческую лабораторию уникальных русских романистов XXI века и осознать художественный текст как данность.

Рассмотренные нами аспекты анализа русского романа XXI века могут служить ориентиром в самообразовании и самосовершенствовании как читателя-профессионала, так и читателя-любителя русской словесности.

В заключение отметим важность чтения и анализа русского романа XXI века для всех, для кого русский язык является родным или иностранным: читателей, студентов, учителей, преподавателей, с целью познания своего «я» и картины мира. В этом контексте приводим мысли болгарского литературоведа Б. Богданова о романе: «хороший роман возвышает до универсального поведения, увлекает участвовать в создании образующегося перед нашими глазами мира; роман – как огромная лупа, позволяющая видеть, в конечном счёте, роман воздействует как сама жизнь, проявлением которой он является – превращает действительность не во что-то мёртвое и внешнее для нас, а в проблему, среду для нашего собственного становления» [8, с. 173].

Библиографический список

1. С. Хаджикосев. Романът – що е то? – София: Персей, 2011.
2. М. Бахтин. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Собрание сочинений. — Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). — Москва: Языки славянских культур, 2012.
3. М. Кундера. Изкуството на романа. – София: Колибри, 2007.
4. М. Звягина. Жанровые трансформации в русской прозе второй половины XX – начала XXI в. Монография. – Москва: Кнорус, 2016.
5. А. Эсалнек. Основы литературоведения. Москва: Флинта, 2012.
6. Е. Водолазкин. Авиатор. – Москва: АСТ, 2016.
7. Д. Глуховский. Текст. – Москва: АСТ, 2017.
8. Б. Богданов. Романът античен и съвременен. София: Наука и изкуство, 1986.

IV. ACTUAL ISSUES OF FICTIONAL TEXT RESEARCH IN SCHOOLS AND UNIVERSITIES

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Е. А. Вишнякова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

Summary. An interpreter must have high competence, see the structure of the text, and understand its meaning. Only a real specialist can use their knowledge of a foreign language in such a way that the translation retains the value attached by the author. The result is determined by the linguist's knowledge of how expressions work in the original language and in the translation language.

Keywords: text; poetic work; translation; polysemy; homonymy; stylistic means; features.

Художественный текст, в отличие от других видов текстов, не всегда поддаётся переводу в первую очередь из-за того, что обладает рядом особенностей. В первую очередь, отличает художественный текст от нехудожественного эстетическое воздействие на читателя и развитие человеческого воображения. И. Р. Гальперин в своих исследованиях об этом писал следующее: «Многие тексты <...> оказывают воздействие на чувства писателя и возбуждают реакцию эстетического порядка. Текст может вызвать образы – зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые. Эти образы оказываются не безразличными к самому содержанию литературно-художественных произведений» [1]. Образы, о которых говорит И. Р. Гальперин, являются плодом воображения человека. Точность этих образов объясняется наличием ярких стилистических явлений в самом тексте и особом построении предложений. Стилистические приёмы, особая грамматика – вот основные проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественных произведений.

Художественный стиль является сравнительно малоизученным. Он не имеет никаких ограничений, никаких конкретных критериев соответствия именно этому стилю. Данная разновидность стиля постоянно развивается, поэтому лингвисты её и называют сложной. Каждый автор какого-либо художественного произведения старается быть уникальным в своём написании текста. Это может выражаться разными способами: особыми грамматическими конструкциями, разнообразием художественных средств или выделением какого-либо одного, созданием уникального героя произ-

ведения и многим другим. И человек, работающий с подобным текстом, должен сразу обращать внимание на явления подобного вида.

Когда у переводчика стоит задача перевести какой-либо художественный текст, он в первую очередь анализирует его как материал со своими лингвистическими и стилистическими особенностями. Сам процесс перевода есть структурированный процесс. И переводчик не имеет право «переделывать» произведение, руководствуясь собственными литературными предпочтениями. Понятие художественный перевод, также как и понятие художественного текста не имеют точного определения. Они только предусматривают «вольность» в использовании стилистических приёмов и построении предложений. Тем не менее, мы не можем говорить об отсутствии определённых рамок. В данном случае ими будет автор произведения.

Переводчик должен обладать высокой компетенцией, видеть структуру текста, понимать его смысл. Только настоящий специалист может использовать своё знание иностранного языка таким образом, чтобы перевод сохранял значение, вложенное автором. Результат определяется знанием лингвиста о том, как выразительные средства работают на языке оригинала, и на языке перевода. Именно соответствие стилистических особенностей и выразительных средств позволяет создать у читателя представление о произведении, которое пытался создать автор подлинника.

В данном случае важно не только суметь понять автора произведения, но и уметь правильно подбирать средства выражения, чтобы произведения автора были «узнаваемы» на фоне других.

Поэтический текст является особым явлением в лингвистике, которое в наше время исследователи изучают не так подробно, как прозу. Этот вид текста отличается в первую очередь формой и стилем написания. Но для того, чтобы заниматься исследованием переводов поэтических произведений, прежде всего, необходимо дать точное определение данному явлению.

Вот какое определение термину «стих» даёт автор поэтического словаря А. Квятовский: «стих – форма поэтической речи, отличающаяся от прозы системой параллельных речевых рядов, которые придают фразостроению ощутимую стройность» [2]. Данное определение с лингвистической точки зрения является наиболее точным, так как определяет особенности поэтического текста в целом. Под словосочетанием «параллельные ряды» подразумеваются строки, которые определенным образом рифмуются друг с другом. А «стройность фразостроения» заключается в мастерстве автора, владеющего языком, на котором он пишет стихотворное произведение. Таким образом, существует два признака, которые относятся к произведению, написанному в стихотворной форме: стихотворный размер и рифма. Причем стоит отметить, что рифма является основополагающим признаком далеко не всегда. Существуют стихотворные произведения, в которых рифма отсутствует вообще.

Если посмотреть на поэтический текст с точки зрения грамматики и одновременно перевода, то в первую очередь возникает проблема сложно-

сти грамматических конструкций. В основном она проявляется из-за того, что присутствует рифма. Известный культуролог Ю. М. Лотман в своей работе «О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста» писал о том, что все элементы поэтического текста семантически нагружены. Из этого можно сделать вывод, что каждая единица текста важна и её нельзя исключить [3, с. 74].

Поэтические тексты также интересны стилистическими особенностями. Необычную структуру стихотворного произведения обеспечивают не только стихотворный размер, рифма, но и различные стилистические приёмы. Литературоведы под стилистическим приёмом подразумевают способ текстовой организации, который выбирает автор для точного описания задуманной им ситуации, о которой нам рассказывает собственным произведением. В поэтическом тексте стилистические приёмы связывают между собой сложные предложения в стихотворной форме. Самыми распространёнными являются: эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, антитеза, анафора, метонимия, аллюзия, гипербола, литота, оксюморон, аллегория, каламбур, окказионализмы. Стоит отметить, что к последнему приёму прибегают достаточно часто. Благодаря этому в языке могут появиться новые слова-неологизмы, которые возможно будут иметь широкое употребление.

При переводе следует учитывать несколько фактов. Во-первых, существуют различия грамматических систем двух языков. Во-вторых, в любом языке есть такие слова, которые характеризуют культуру исключительно той страны, на территории которой на этом языке говорят (реалии). Кроме того, в каждом языке есть такое явление как полисемия или многозначность слов. Также стоит отметить, что качество перевода поэтических текстов также зависит от образованности и наличия не только переводческих, но и литературных навыков у переводчика, который занимается переводом произведения. Знание основных литературных приёмов также играет немаловажную роль. Переводчик должен понимать, каким образом стоит интерпретировать художественные средства для того, чтобы стихотворение звучало не только грамотно, но и красиво. В лучшем случае, ему стоит попытаться сохранить стихотворный размер оригинального произведения.

Большое значение имеет в нашем случае проблема многозначности (или полисемии) слов в тексте мы рассмотрим далее. В соответствии с переводоведческим словарём Л. Л. Нелюбина, полисемия является многозначностью лексических единиц. То есть наличие у одного слова одного и более значений [4]. При этом необходимо выбрать одно значение, которое в большей степени подходит. В связи с этим нужно выявить ещё одно явление – омонимия (звуковое совпадение двух или нескольких языковых единиц, различных по значению).

Эти два понятия тесно связаны друг с другом и составляют одну большую проблему при переводе. Обратимся, например, к английскому языку и возьмём, глагол *to make*. Стандартное значение данного глагола –

«делать». Но в различном употреблении это слово может иметь несколько значений: заставлять, составлять, зарабатывать. И это далеко не полный список.

Подобная ситуация и с омонимами. Здесь можно привести очень много примеров: слово «can» может употребляться и как существительное в значении «консервная банка» и как модальный глагол; «flat» может быть как прилагательным в значении «плоский», и как существительное в значении «квартира»; «foul» – прилагательное в значении «грязный», и помимо него есть слово со схожим произношением – «fowl». Оно имеет значение «домашняя птица».

С многозначностью слов в поэтических текстах ситуация несколько сложнее. Важно не только понять, какое значение слова подходит, но и что поэт сам в него вкладывает. Для этого важно владеть информацией, касающейся творчества конкретного поэта. Нередко бывает даже так, что мало догадаться о значении слова. Поэт может создать «своё значение» на основе ассоциативных сопоставлений. Такое явление можно наблюдать в творчестве Шекспира, Шелли, Уайльда, а если говорить о русских поэтах, то это чётко прослеживается у Пушкина и Блока. Но надо отметить, что в данном случае главную роль играет не только многозначность слова или словосочетания, но и его художественная значимость. Здесь важно не ошибиться в художественных средствах и приёмах, которые использовал автор стихотворения.

Таким образом, при переводе поэтического произведения необходимо обладать рядом качеств такими, как большой переводческий опыт, знание особенностей как родного, так и иностранного языка, отличное знание литературы и умение точно подбирать аналоги к различным языковым явлениям.

Библиографический список

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2008. -144 с.
2. Квятовский, А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия,1966.-376с.
3. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста/ Ю.М. Лотман; М.Л. Гаспаров.-СПб.: Искусство-СПб, 1996.- 846с.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб.- М.: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2020 ГОДУ**

Дата	Название
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,966
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kazan (Volga Region) Federal University

TEXT. LITERARY WORK. READER

Materials of the VIII international scientific conference
on May 20–21, 2020

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 21.05.2020.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 5,5.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz